

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЖАРКАЯ ОСЕНЬ В АКАДИИ



АЛЕКСАНДР ХАРНИКОВ
МАКСИМ ДЫНИН

Военная боевая фантастика

Александр Харников

Жаркая осень в Акадии

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Харников А. П.

Жаркая осень в Акадии / А. П. Харников — «Издательство АСТ», 2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-154816-2

Группу бойцов ССО неведомым путем занесло в Северную Америку. Причем прямым в середину XVIII века, когда британцы и французы вели ожесточенную схватку за эту территорию. Русские встали на сторону тех, за кем была правда. Разбив экспедицию английского генерала Брэдока, они вступили в альянс с теми французами, кто не желал уступать врагу земли, на которых жили их предки. Индейцы, чьи скальпы бойко скупали англичане, тоже присоединились к бледнолицым, которые не делили людей по цвету кожи. Так начиналась война, которую историки позднее назовут Семилетней, или Нулевой мировой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154816-2

© Харников А. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть I. Остров Святого Иоанна	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Харников, Максим Дынин

Жаркая осень в Академии

Посвящается всем бойцам ССО, не вернувшимся с задания и до конца выполнившим свой долг.

Авторы благодарят Ярослава под ником Frog, оказавшего огромную помощь в написании этой книги.

© Александр Харников, 2023

© Максим Дынин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

3 ноября 1755 года. Форт Босежур, Акадия.

Капитан Наиль Хурамин, позывной «Салават»

– Огонь! – заорал Хас, вскидывая винтовку и делая прицельный выстрел. – Придавите их огнём! Мастер! Дави их!

Мастер и Казак, единственные, кому Хас разрешил взять их родные винтовки, с которыми они попали в Америку – у остальных были «фридолиновские» из мастерской Кинцера, – начали методично выбивать наиболее смелых (или наиболее глупых) англичан, которые пытались высунуться из-за палисада, дабы разрядить оружие в нападающих.

– Держим! – наконец-то раздался голос Мастера.

– Салават, вперёд!

По команде Самума Наиль рванул вперёд, держа в руках две наполненные водой пластиковые двухлитровые бутылки, связанные между собой метровым куском паракорда. Путь его проходил между двумя трёхметровыми валами, на которых возвышался полутораметровый частокол палисада, к единственным воротам форта. Добежав до них, Салават укрылся под аркой от огня защитников, достал колышек и сноровисто забил его тыльной стороной томагавка в дерево. Перекинул через колышек бутылки с водой, выверил их, чтобы они висели на одном уровне, и, достав «трехсотый» ЗТП¹, вставил его в ПВВ². Повернул чеку, дернул ее и по привычке засёк время, как только увидел вспышку шнура. Крикнул «Иду!» и, дождавшись ответа Мастера «Держим!», так же, пулей, метнулся назад.

Потянулись минуты ожидания, разбавляемые частой и не всегда точной стрельбой. Через пять с небольшим минут раздался взрыв, и все, защитники и нападающие, увидели, как одну из створок сорвало с верхней петли, и она наполовину завалилась во внутренний двор форта. Раздался единый слитный вопль – яростный и отчаянный защитников и восторженный и торжествующий – осаждавших.

– Вперёд! – заорал Хас. – Вперёд! Или вы хотите жить вечно?³

«Скауты» небольшими группами рванули по направлению к раскупоренным воротам...

¹ Зажигательная трубка для инициации заряда ВВ. Бывает 50, 150, 300 (время горения в секундах).

² Пластическое взрывчатое вещество.

³ Хас перефразировал известное изречение, ставшее киномемом. Впервые его произнёс первый сержант морской пехоты США Дэн Дейли 6 июня 1918 г., когда повёл свой взвод в атаку под плотным пулеметным огнём («Вперёд, сукины дети! Или вы хотите жить вечно?!»). Эту фразу использовал Роберт Хайнлайн в своей знаменитой книге «Звездный десант» («Звездные рейнджеры»), там она использована в качестве эпиграфа, а также периодически повторяется на протяжении всей книги («Вперёд, обезьяны! Или вы хотите жить вечно?!»).

Часть I. Остров Святого Иоанна

ИНТЕРЛЮДИЯ

20.. год. Подмосковье

Капитан 3-го ранга Хасханов, позывной «Самум»

Этот санаторий Самум нашёл случайно, когда листал поисковик в интернете. Близился Новый год, и хотелось его вместе где-нибудь отметить. Санаторий когда-то принадлежал Академии наук СССР, а теперь перешёл по наследству РАН⁴. Самум проехался туда с Лёней посмотреть, и увиденное, так же, как и цены, его устроило. Пришлось выгребать группную кассу и платить аванс.

На улицах лежал снег, светило солнце, по улицам торопились куда-то по своим делам люди, и Хас кайфовал от ощущения умиротворения, которое захлестнуло его от увиденного. Немного портило картину то обстоятельство, что на Новый год Хас попадал прямиком из наряда по отделу. Вообще-то группники в наряды не ходили, но Хас до сих пор числился «врио», потому тащил лямку наравне со всеми.

В наряд на Новый год попали Береза и Кедр, молодые лейты из группы Ветра. «Хвойнолиственные», «два дуболома» – это неполный перечень эпитетов, которыми их награждали местные острословы. Парни не обижались, благо терпения у них хватало на дюжину. Жребий, по обычаю, тянули все на равных, группники в том числе, но судьбу не обманешь. Сначала Кедр вытянул короткую спичку, которая означала дежурного, а затем, под общий смех, Береза вытянул ещё одну короткую спичку помощника. Все лишний раз посмеялись тому, что чему быть, того не миновать, и разошлись по своим делам...

Хас сдал наряд Кедру, они доложили о приёме-передаче начальнику отдела, и Хас пошёл заводить машину и переодеваться. Майра уже была в гостях у Рустама с Аидой, они же должны были привезти ее в санаторий. Рустам был одним из немногих, кто не относился к группе, но кому, тем не менее, было предложено встретить Новый год в своей компании.

Переодевшись, Хас достал два заранее припасенных пакета с едой и напитками. По традиции, парням, которые заступали на «фишку» по праздникам, группа скидывалась на «стол». Лейты были не из группы Самума, но из того же отдела, поэтому Хас не считал зазорным купить им пакеты с едой за свой счёт. Весело мурлыкая под нос «Новый год к нам мчится...», он заскочил в рубку дежурного, оставил ошеломлённым и обрадованным офицерам пакеты с едой и напитками и направился к своей машине...

Когда он вломился в парилку, его присутствие встретили одобрительным гулом. Леня сразу отодвинулся в сторону, освобождая ему место, и Хас плюхнулся на горячую лавку, блаженно откидываясь на стенку... В 23:45 они всей группой, вместе с жёнами, подругами и детьми, распаренные и румяные, сидели за праздничным столом. Ведущий очень задорно вёл вечер, сыпая шутки и прибаутки, парни с девчонками отрывались, как могли.

Ближе к четырём утра Хас взял Майру за руку и, откланявшись сидевшим ещё за столом ребятам (коих оставалось совсем немного), они пошли в свой номер. Майра была немного пьяная от выпитого и потому вела себя более раскованно, чем обычно. Хас, на которого алкоголь

⁴ Российская Академия наук.

не действовал от слова «вообще», несмотря на любое количество выпитого, сохранял ясность мыслей, но тоже был приятно расслаблен. Он вытянулся на кровати и с любовью посмотрел на Майру. Она улыбнулась своей очаровательной улыбкой, которую он так любил, и потянулась к нему. Поцелуи, объятия, прикосновения... Они проваливались в это море любви и тонули в нем.

Это был их последний Новый год с Майрой...

30 августа 1755 года. Квебек.

Полковник Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Хас открыл глаза и попытался перевернуться на другой бок, но уперся в женское тело, которое лежало рядом. Немного отодвинувшись и завершив свой маневр, он увидел затылок и великолепные черные волосы, разметавшиеся по постели. Быстрая Ласточка, недавно ставшая его законной женой, спала сном младенца, утомленная бурной ночью. Хас тут же передумал вставать и, придвинувшись поближе, обнял ее и, вдыхая запах полевых цветов, идущий от ее волос, закемарил...

Проснувшись повторно, он нашел в себе силы подняться и вышел на улицу, щурясь на солнце и поеживаясь... Хотелось кофе и сигарет, а еще забыть обо всех заботах и проблемах, нырнуть назад к любимой и целый день нежиться рядом, чтоб по первому свистку им подавали завтрак в постель... Реальными же в какой-то мере были только первые два пункта. Кофейные зерна можно было достать у местных купцов, хотя стоили они весьма и весьма недешево, к тому же обжаривать их приходилось самому. А вот сигареты давно уже у всех кончились, и курящие перешли на трубки и табак, благо он был качественным – в восемнадцатом веке еще не научились втюхивать покупателям ароматизированное фуфло.

Сделав несколько энергичных движений руками и слегка размявшись, Хас перешел к простенькому комплексу тай-цзы, плавно двигаясь и ловя ощущения, как кровь разгоняется по телу, наполняя его силой и энергией. Завершив выполнение комплекса, он развернулся и зашел в свое временное жилище, с порога уловив запах ароматного кофе.

Его Покахонтас уже встала и готовила завтрак. Хорошо зная привычки мужа, она начала с кофе, а потом перешла уже к самой еде. В свое время, когда Самум впервые назвал ее Покахонтас, она очаровательно сморщила носик и поинтересовалась, что это за имя. Когда Хас в свою очередь поинтересовался, а переводится ли это как-нибудь с индейского языка, Ласточка лишь недоуменно развела руками. Самум лишь разочарованно вздохнул, подумав, что Дисней и Голливуд, похоже, втюхали им очередную лажу⁵. Хас на сасквеханнокском поинтересовался, скоро ли будет завтрак, и похвалил кофе, приготовленный его Принцессой. В ответ услышал на достаточно чистом русском, что завтрак вот-вот будет готов, а пока он успеет выпить кофе и выкурить трубку.

Хас удовлетворенно кивнул, про себя заметив, что его жена определенно делает успехи в русском языке. А вот свои познания в конестога⁶ он определить затруднялся. Ласточка никогда не поправляла его, считая, что как бы муж ни говорил, все сказанное им верно и правильно по определению. Несмотря на настойчивые просьбы Самума корректировать его произношение, она каждый раз, когда говорила ему новую фразу, сначала несколько раз поправляла его, добиваясь правильного выговора, но после этого считала, что, как бы он что-либо ни произнес, он все равно говорит хорошо. Хас уже давно подозревал, что он говорит на каком-то своем диа-

⁵ На самом деле племя паухатан, к которому принадлежала Покахонтас, разговаривало на одном из алгонкинских языков, не родственном сасквеханнокскому. Да и именем «Покахонтас» не являлось, а означало нечто вроде «егоза» или «непослушный ребенок». Ее же настоящим именем было, насколько известно, Амонуте.

⁶ Самоназвание сасквеханноков, а также название их языка.

лекте сасквеханнокского... Надежда была только на шурина, который тихонько посмеивался над выговором Хаса, но поправлял его речь, добиваясь правильного произношения.

Позавтракав и поцеловав жену, Самум оделся и вышел на улицу. Его ждали великие дела – а времени до ухода в новые края оставалось всего ничего.

*30 августа 1755 года, Квебек,
«Русская казарма», офицерская столовая
Капитан 3-го ранга Леонид Зинченков, позывной «Удав»*

Группа собралась на территории предоставленной губернатором недостроенной казармы в помещении, предназначенном для офицерской столовой. Сегодняшнее совещание сопровождалось мрачным молчанием, невеселыми мыслями и тяжелой тоской...

Вопрос, который поднял Хас, был злободневен и требовал однозначного и недвусмысленного решения. А его как раз и не было... Собственно, все было просто: следовало законсервировать своё вооружение и снаряжение из будущего (или настоящего – либо прошлого, которое стало теперь настоящим, хрен разберёшь), до наступления некой весьма и весьма сложной ситуации, а пока перейти на то, что считалось массовым оружием поражения (живой силы противника) в существующих условиях. Довод был один, но зато железобетонный – боеприпасы рано или поздно кончатся, и тогда группа, по сути, станет беззащитна. То есть сравняется возможностями с местными военными и потеряет одно из основных своих преимуществ. А при таком раскладе рано или поздно для всех начнётся игра на выбывание.

У противника здесь большой резерв живой силы. У группы – нет. Технологии изготовления патронов никто не знал. Точнее, знали, но лишь в общих чертах, да и то не все. Изготовить их в это время не представлялось возможным: нет технологии, нет оборудования, нет квалифицированного персонала... да ничего нет, в принципе! Имелся, конечно, собственный «кулибин» в лице Кинцера, который на лету схватывал идеи и нередко находил пусть примитивную, но возможность воплотить их в жизнь в той или иной форме. Вот только двигался прогресс в его лице поистине со скоростью улитки на склоне Фудзи... Но, тем не менее, уже имелись первые образцы нарезного оружия, и шли работы над казнозарядной винтовкой.

И все-таки очень тяжело было расставаться с привычным для XXI века вооружением. Все чувствовали себя голыми. Даже остальные, казалось бы, важные вопросы отошли на второй план. Но выбора не было: Хас был прав, необходимо было законсервировать все снаряжение, которое попало в этот мир с ними, до лучших времён, переодеться во все местное и вооружаться тем оружием, которое было на данный момент. Осваивать его, думать над тактикой применения... Словом, забот было много. По факту, единственное преимущество, которое оставалось у офицеров перед другими, – это знания. Так себе преимущество, надо сказать. Лёне тоже немного не по себе становилось от этой мысли...

Но это было ещё не всё – группе, привыкшей действовать автономно, теперь были подчинены отряды шотландцев, а вскоре придётся обучать и акадское ополчение, придумывать для него тактику, стандартизировать вооружение, готовить бесперебойное снабжение боеприпасами и питанием. Это, конечно, являлось задачей всей группы, да и было на кого опереться в этом деле – на Аластера Фрейзера и некоторых его подопечных. Но имелась и ещё одна головная боль, за которую ответственность ложилась в первую очередь на его, Лёнины, плечи.

Необходимо было озаботиться вопросами безопасности – как собственной (а для кое-кого ещё и таковой своей семьи), так и сакраментальным вопросом, кто из ополченцев на самом деле будет «играть за другую команду».

А что на острове Святого Иоанна уже наличествуют английские агенты, и что некоторые из них попытаются внедриться в ополчение, к гадалке не ходи. Нужно было обдумать контр-

меры – но для этого надо будет оценить обстановку на месте. На это нужно время, а его-то и нет – форты нужно освобождать уже этой осенью, иначе будет поздно.

*1 сентября 1755 года. Река Святого Лаврентия. Борт фрегата «Аретюз»
Лейтенант Аластер Фрейзер, командир шотландских рейнджеров*

На севере, чуть подернутые дымкой, виднелись невысокие горы, поросшие лесом. На юг до горизонта простиралась водная гладь, а за кормой, на востоке, тут и там красными сполохами пестрели клены на Орлеанском острове. Кончилось наше время в Квебеке... Теперь эскадра из шести кораблей – четырех фрегатов и двух шлюпов – идет в Порт-ля-Жуа на южном берегу острова Святого Иоанна. Там нам предстоит создать полк из акадцев – французского населения тех мест – и отвоевать форты Босежур и Гаспаро на перешейке Шиньекто, вероломно захваченные в июне англичанами. Но, пока мы на борту корабля, у меня появилась возможность немного отдохнуть и осмотреться.

– Это уже море? – спросил я у пробежавшего мимо матроса.

Тот с трудом подавил смех:

– Нет, конечно, господин русский офицер. До моря еще больше суток ходу. А что южного берега не видно – так река широкая. Здесь – четыре лье⁷, а потом будет еще шире.

Господин русский офицер... Кто бы мог три месяца назад подумать, что я – сержант нью-йоркских скаутов, да еще и на четверть индеец – стану русским лейтенантом... Взяли меня в плен в бою у Аткваначуке, далеко на юге, недалеко от того места, где быстрая Джуниата, спустившаяся с Аппалач, впадает в широкую и сонную Сасквеханну. Оказалось, что в деревне этой жила моя родня по матери – но единственный, кого я убил, был человек, много лет назад надругавшийся над мамой и оставивший ее умирать. Спас меня от смерти русский полковник Хасханов – тогда он был майором, точнее, морским капитаном третьего ранга; он предложил мне искупить вину перед своим родом. А после того, как я был ранен в битве в Медвежьих горах, и более серьезно – при Мононгахеле, он меня спросил:

– Сержант, вы показали себя очень хорошо. Мы решили предложить вам перейти в русское подданство.

Я долго не раздумывал. Всю жизнь я был чужим – для англичан, потому что был на четверть индейцем, да и отец мой был шотландцем-католиком; для сасквеханноков, потому что я был на три четверти белым; даже в нью-йоркских скаутах я не раз слышал, как за моей спиной меня обзывали полукровкой, хотя в лицо меня никто никогда не рискнул бы так назвать. Но русские были совсем другими; у них все были своими, а один из них, майор, а теперь подполковник Жумашев, с позывным Руссо, выглядел почти как индеец, разве что глаза его были более узкими.

По словам Хаса, один из их офицеров говорил, что все равно, какой у тебя цвет кожи или разрез глаз – для врага все мы русские. И я себя уже начал ощущать русским. Единственное, что меня огорчает – это то, что русский язык дается мне с трудом, но я его учу, как могу. У меня уже даже получается построить простое предложение, пусть не без ошибок, но так, что меня понимают мои собеседники, особенно когда мы говорим о делах военных.

А чин я получил как бы авансом. Дело в том, что губернатор Новой Франции Мишель-Анж де Миннвилль, маркиз дю Кень, предложил произвести Хаса в полковники, а его людей кого в подполковники, а кого в майоры. Иначе, по его словам, любой французский офицер выше по чину не будет воспринимать его людей всерьез – по крайней мере, поначалу. Хас поблагодарил маркиза и признал правоту его слов, но решил, что, как вышестоящий русский офицер на американском континенте, сделает это лучше самолично. Именно тогда я стал лей-

⁷ Около шестнадцати километров.

тенантом армии Русской Америки и получил задание создать из шотландцев, бежавших в Квебек после неудачного восстания в поддержку Чарльза Стюарта, отдельный отряд рейнджеров при Шотландском батальоне.

С шотландцами договорились так – они будут служить нам верой и правдой, а потом те, кто захочет, смогут, как и я, стать русскими подданными. Другим же позволят взять с собой выданное им оружие и вернуться в родную Шотландию для дальнейшей борьбы против английских оккупантов. Ребята они храбрые, но у них хромает дисциплина, да и воюют они неважно. Моя задача – обучить своих людей ведению боя с элементами колониальной, индейской и русской тактики, меткой стрельбе из-за укрытий, ближнему бою с использованием ножа, пистолета и томагавка, устройству засад и многому другому. Кое-что из этого я уже умел, другому научился у русских, а также у майора де Ланглада – как и меня, человека с примесью индейской крови – и его индейцев. А потом опыт, полученный с шотландцами, будет перенят при создании других таких же отрядов, из французов-акадцев и акадских индейцев.

Желающих вступить в отряд было более полутора сотен. В самую первую минуту я явственно услышал, как один из желающих, увидев меня, сказал своему соседу по-гэльски, показывая на меня:

– А это что за обезьяна?

Гэльскому меня сначала учил папа, а после его смерти мой приемный отец, Джон Манро. Так что я ответил на том же языке:

– Ну что ж, покажи обезьяне, что ты умеешь.

– Ты говоришь по-гэльски? – вытаращил на меня глаза наглец.

– Я на три четверти шотландец, – ответил я. – Давай, выходи, посмотрим, что ты умеешь. Без оружия.

Ростом я около шести футов⁸, но мой оппонент был меня на полголовы выше и намного шире в плечах. Я подождал, пока он замахнется, и пробил ему сначала в корпус, а потом в подбородок, и он рухнул на землю. Я посмотрел на столпившихся:

– Ну что, кто-нибудь еще считает, что ваш будущий командир – обезьяна?

Единственным, кто ответил, был человек, стоявший чуть правее, причем заговорил он на шотландском английском, на котором общаются в равнинной Шотландии:

– Простите меня, сэр, но здесь не у всех есть гэльский.

Я повторил свой вопрос по-английски, но желающие не появились. А тот, кого я тогда покаутировал, потом подошел ко мне и сказал:

– Простите меня, лейтенант, я был неправ и приношу свои извинения. Скажите, а как ваше имя?

– Аластер Фрейзер-младший.

– Не родня ли вы Аластеру Фрейзеру, который бежал после... недоразумений с Кэмпбеллами почти тридцать лет назад?

– Это был мой отец. Он умер от оспы.

– Тогда мы с вами кузены – меня отец назвал в честь вашего отца. Я тоже Аластер Фрейзер.

Аластер-второй, как его прозвали в отряде, показал себя очень неплохо в первые три недели и стал одним из тридцати трех счастливицков, которых я зачислил в рейнджеры; других перевели в пехотные роты Шотландского батальона. Они еще не знают, как им «повезло», – когда мы достигнем острова Святого Иоанна, то, что мои рейнджеры пережили в Квебеке, покажется им раем на земле. Как мне рассказали, один великий русский полководец написал: «Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе»⁹. Нечто подобное посто-

⁸ 183 сантиметра.

⁹ Александр Васильевич Суворов в «Науке побеждать» написал именно так, а не «Тяжело в учении, легко в бою».

янно повторял и лейтенант Джонсон, который командовал нашим отрядом скаутов и который погиб в числе всех остальных моих сослуживцев по вине вирджинского подполковника Джорджа... то ли Варрингтона, то ли Ватсона, уже не помню¹⁰. Это же стало и моим девизом.

Прозвенел корабельный колокол – обед. Я еще раз огляделся и спустился в кают-компанию. Заодно можно будет обсудить некоторые идеи с Хасом и его людьми.

2 сентября 1755 года. Квебек

Кузьма Новиков, он же Ононттио, кузнец и представитель русских в Новой Франции

Вот я и снова в том городе, где начались все мои злоключения и откуда я, аки тать в ночи, бежал, спасаясь от французских стражников. Грех был на мне тогда, грех убийства ближнего своего, хотя, сказать честно, тот англичанин, которого я прибил тяжелой кружкой в кабацкой драке, был плохим человеком. Теперь, по прошествии стольких лет, здешние власти вряд ли узнают во мне того молодого и бесшабашного парня, каким я был двадцать лет назад. А если бы и узнали, то вряд ли строго спросили за убийство английского моряка. Сейчас Франция воюет с Британией, и счет убитым с обеих сторон идет уже на сотни, а то и на тысячи.

Тогда, двадцать лет назад, я толком и не рассмотрел Квебек. Не до того мне было. А сейчас, когда мне не надо было думать о том, как бы спасти свою голову, я без спешки прошелся вместе с Василисой по улицам города и посмотрел, как здесь живут французы, отправившиеся за море в поисках счастья и удачи.

Квебек был городом небольшим – куда ему до нашего Петербурга. Как мне сказал мой друг Жером, проживало в нем девять тысяч человек. Это не считая моряков, которые приходили в Квебек на кораблях, и крестьян с окрестных деревень. А их вокруг Квебека было немало. Люди селились рядом с городскими укреплениями, чтобы в случае опасности укрыться от неприятеля. Ведь не только индейцы могли напасть на Квебек – англичане, с которыми французы все время воевали, тоже не прочь были захватить стольный город Новой Франции. Как мне рассказали, в 1690 году тогдашний губернатор Массачусетса Вильям Фипс со своими головорезами попытался захватить Квебек, но французы разбили его войско, и он вынужден был отправиться восвояси.

Как и везде, богатые жили в красивых каменных домах, а бедные, коих в Квебеке было большинство, ютились в лачугах. Улицы были узкими и грязными. Бедняки жили в основном в пригородах Сен-Жан и Сен-Рош, богатые – в центре. Здесь сто с лишним лет назад был построен дом для губернатора Новой Франции, казармы для солдат, мэрия, храм, а также монастыри августинков и урсулинок. Было и два рынка, на которых крестьяне продавали то, что они вырастили на полях, а купцы – товары, привезенные из Франции.

А сам город мне понравился. И люди здесь жили хорошие. Мы остановились с Василисой у младшего брата моего старого друга Жана. Тот не раз мне говорил, что если судьба занесет меня в Квебек, то я могу рассчитывать на гостеприимство его брата, который обосновался в столице Новой Франции и ведет там торговлю с индейцами. Для того, чтобы Жером узнал, от кого я, Жак дал мне свою табакерку с затейливым вензелем.

– Ты покажи ее Жерому, – сказал мне Жан, – он сразу все поймет.

Почтенный негоциант Жером Омон жил в центре Квебека в красивом двухэтажном каменном доме. Увидев этот дом, я поначалу оробел – пустит ли его хозяин нас на порог. Ведь одеты мы с Василисой были бедно. Да и где нам было приодеться – ведь почти все время мы были в пути и часто ночевали в лесу у костра.

Но Жером, увидев табакерку брата, встретил нас сердечно. Он предложил нам две комнаты в своем доме и даже поначалу отказался брать с нас плату за проживание. Когда же я

¹⁰ Про битву при Атакваначуке и конец Джорджа Вашингтона см. «Между львом и лилией», предыдущую книгу серии.

отсчитал ему несколько золотых гиней с изображением короля Георга II, Жером заявил, что для нас в его доме всегда будет накрыт стол, а служанки будут ухаживать за нашей одеждой. При этом он внимательно осмотрел нас и покачал головой.

– Мсье Косма, извините меня, но вам и вашей очаровательной дочери следовало бы заказать новую одежду. Ваша... – тут он немного замялся, но потом все же решился сказать: – Изрядно поизносились. Поймите меня правильно, вам, вполне возможно, придется посещать дома уважаемых жителей нашего города. Не все они воспитаны в христианских традициях и могут из-за вашей одежды допустить в отношении вас непочтительные слова и поступки. Я могу порекомендовать вам хорошего портного, который сошьет для вас одежду, достойную таких людей, как вы. А, кроме того, у меня есть на примете куаферы, которые приведут в порядок ваши прически.

Я не стал спорить с мсье Жеромом, потому что он был прав. У нас говорят: «По одежке встречают, по уму провожают». Нам было нужно, чтобы нас встречали по одежке, потому что, возможно, не всегда нам доведётся показать свой ум. Поблагодарив мсье Жерома, мы с Василисой немного отдохнули, а затем попросили приставленного к нам слугу Симона пригласить портного, чтобы тот снял с нас мерки для пошива платья для Василисы и меня.

Мне уже доводилось носить одежду, которая была принята в Европе. За время моей жизни среди индейцев она мало изменилась. Я не хотел одеваться, как дворянин. Во-первых, я не знал, как носить такую одежду, а, во-вторых, она стоила бы слишком дорого. Потому я попросил портного, чтобы он сшил для меня ту одежду, в которой ходят уважаемые буржуа. Для меня важно было, чтобы все было сшито из хорошей ткани. А вот с Василисой все оказалось гораздо сложнее...

Когда мсье Лефевр попытался рассказать ей, что сейчас носят дамы, глаза у моей дочери стали круглыми от удивления.

– Отец, неужели мне придется надеть на себя вот это! – воскликнула Василиса, тыкая пальцем в альбом, который принес мсье Лефевр. В нем были рисунки с одеждами, которые носят женщины в Европе. – Я буду выглядеть в этом, как баба-яга, о которой ты мне рассказывал.

– Если мадемуазель желает, то я могу сшить для нее платье попроще, – произнес портной. – Вы, правда, будете в нем похожи на простолюдинку. Но мадемуазель такая красивая, что любое платье будет ей к лицу...

И вот мы с Василисой прогуливаемся по Квебеку. Я решил не спешить к губернатору в его дворец. Надо сначала разобраться, что к чему, узнать, о чем говорят здешние жители и что они думают о войне, которая идёт между Францией и Англией. А, самое главное, что они думают о наших друзьях из будущего. Ведь то, что они уже успели сделать, должно было удивить всех.

Правда, я и особенно Василиса пока еще не совсем хорошо говорим по-французски и иногда с трудом понимаем речь окружающих нас людей. Между собой мы чаще разговариваем по-русски. Вряд ли в Квебеке есть люди, которые знают русский язык. Да и Василиса пусть привыкает говорить на языке своей отчизны, которую она еще не видела, но которую любит. Но оказалось, что я ошибся.

– Смотри, отец, – толкнула меня локтем в бок Василиса. – Видишь человека в синем кафтане? Он как-то странно смотрит на нас.

Я оглянулся. Действительно, стоявший у дверей торговой конторы человек в синем кафтане и в напудренном парике с удивлением глядел на нас. Он даже хотел было шагнуть в нашу сторону, но неожиданно остановился, потом резко отвернулся и заспешил куда-то, видимо, по каким-то своим делам.

– Отец, – сказала Василиса, – может быть, надо послать весть о нем Хасу? Помнишь, он велел нам, если что-то будет нам угрожать, тотчас ему сообщить.

– Так нам вроде никто и не угрожает, – ответил я. – Давай немного подождем. Думаю, что мы скоро узнаем, кто этот человек и почему он так странно на нас смотрел...

3 сентября 1755 года. Квебек

Кузьма Новиков, он же Ононтий, кузнец и представитель русских в Новой Франции

И действительно, когда сегодня утром мы с Василисой вышли из дома, вчерашний незнакомец нас уже поджидал на улице, делая вид, что он случайно здесь оказался. Он вежливо поздоровался со мной по-французски и назвал себя мсье Крамером.

– Я слышал, что вы, мсье, умеете говорить по-русски, – сказал он, – и потому я готов продолжить с вами разговор на этом языке.

Последние несколько слов он, действительно, произнес по-русски. По егоговору я понял, что Крамер был из немцев. Правда, язык наш он знал изрядно. О чем я и сказал ему, заодно представившись.

– Господин Крамер, – спросил я, – а как вы узнали, что я русский?

– О, герр Новиков, – всплеснул руками немец, – мне случайно удалось услышать вчера, как вы изъяснялись с этой прелестной мадемуазель, – Крамер галантно сделал полупоклон Василисе, – на языке, которым мне пришлось пользоваться целых пять лет. Видите ли, я занимался торговлей с Россией и в Петербурге держал табачную лавку. Дела у меня шли неплохо, но после известных событий 1741 года, когда на царский трон взошла дочь вашего покойного императора Петра I, немцам в России, знаете ли, стало не совсем уютно. Я решил не рисковать своей жизнью и имуществом, а покинул Петербург, отправившись в Восточную Пруссию. Там, в Кёнигсберге, у меня были давние контрагенты, поставлявшие табак из английских колоний в Америке. Друзья предложили мне отправиться в Новый Свет и заняться там закупкой мехов. Бобровые шкурки высоко ценились в Европе, и, торгуя ими, можно было неплохо заработать.

– А как вы оказались в Квебеке? – спросил я у немца.

– Я решил отправиться сюда, чтобы в Новой Франции учредить филиал нашей компании. К тому же, как мне сообщили, некоторые индейские племена, живущие на контролируемой британцами территории, готовы выйти на тропу войны. А это значит, что никакой торговли с ними не будет. Индейцы предпочтут получить деньги за убийство французов и союзных им индейских племен.

Мне оставалось лишь покачать головой. Именно так оно и было. А герр Крамер тем временем внимательно посмотрел на меня, потом на Василису, а потом спросил:

– Господин Новиков, я очень был рад встретить человека из России. Поверьте, годы, проведенные в вашей стране, для меня стали лучшими в моей жизни. Мне бы очень хотелось снова увидеть вас и вашу прелестную спутницу...

– Это моя дочь...

– О, как я сразу не сообразил! Русские женщины всегда отличались красотой и грацией. Как зовут вашу дочь, господин Новиков?

– Ее зовут Василиса, – ответил я. – Она родилась здесь, в Новом Свете, и росла среди индейцев. Так что прошу извинить ее за незнание некоторых правил поведения в обществе.

– Господин Новиков, – Крамер с улыбнулся и снова расшаркался перед Василисой, – ваша дочь просто очаровательна. Счастлив будет тот, кто сумеет понравиться ей.

Потом он достал из кармашка часы, взглянул на циферблат и поспешил откланяться.

– Отец, – сказала мне Василиса, когда герр Крамер скрылся за углом, – мне кажется, что этот человек не тот, за кого он себя выдает.

– Все может быть, – задумчиво произнес я, – надо поинтересоваться у месье Жерома о нашем новом знакомом. Купцы знают многое друг о друге.

ИНТЕРЛЮДИЯ

20... год, Москва

Старший лейтенант Хасим Хасханов, позывной «Краб»

Хас бежал вдоль Хорошевского шоссе, мечтая поскорее добраться до метро. Несмотря на ноябрь и номинальную осень, погода стояла вполне себе зимняя. Под ногами хлюпал мокрый снег, ветер задувал в лицо, старался проникнуть под одежду, пробраться до самых косточек. Когда до метро оставалось около десяти метров, сзади послышался робкий голос:

– Товарищ... товарищ... товарищ военный...

Хас обернулся, уже представляя, что увидит перед собой. Маленький тщедушный солдатик, перетянутый ремнём, со значком «патруль». Хас начал сканировать глазами горизонт, ища, где мог бы притаиться начальник патруля. Спустя полминуты он его увидел. Метрах в тридцати из-за ларька с шаурмой торчал бдительный глаз начпатра¹¹, майора ВВС. Оттуда же, в дополнение к глазу, торчали плечо с майорским летным погоном и часть груди со значком.

– Товарищ... товарищ... – глаза солдатика растерянно шарили по альпаку¹² Хаса, не находя, за что зацепиться.

– Товарищ капитан первого ранга, – весело подсказал Хас.

– Товарищ капитан первого ранга? – на солдатика жалко было смотреть. Он уже приготовился упасть в обморок.

– Да, – нагло подтвердил Хас. – Какому сухопутному званию соответствует капитан первого ранга?

– Э-э-э-э-э... – солдатик начал потихоньку оседать. Хасу даже показалось, что он сейчас пустится наутек.

– Полковнику, – помог ему выйти из затруднительного положения Хас. – Что хотели, товарищ солдат?

– Вас там это... начальник патруля к себе зовёт, – солдатик махнул рукой в сторону майора, который заинтересованно наблюдал за сценой.

– Не по-оня-я-ял... – протянул Хас, грозно посмотрев на служивого. – Что значит, начальник патруля зовёт? Товарищ солдат, вы вообще перед заступлением в патруль инструктировались? Зачёт по уставам сдавали?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Как у нас, согласно уставу, принято обращаться? «Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться, рядовой Пупкин. Товарищ капитан первого ранга, вас просит подойти к себе начальник патруля...» Так? Или нет? Строевую стойку примите, товарищ рядовой! – грозно рыкнул Хас.

Солдатик вытянулся во фрунт. Краем глаза Хас наблюдал за начпатром, который уже весь вылез из-за ларька и теперь усиленно пытался сообразить, что происходит. С одной стороны, Хас выглядел очень молодо, с другой стороны, непонятная одежда (Хас был одет в чёрные брюки, альпак, из-под которого торчал ворот водолазного свитера, и чёрную фуражку) и наличие бороды сбивали с толку. Ещё больше вызывало недоумение поведение патрульного, который замер по стойке «смирно» и получал очень жесткий разнос. Во всяком случае, ситу-

¹¹ Начпатр – начальник патруля.

¹² Альпак (как и канадка) – часть штормовой одежды моряков-катерников и подводников. Она носится в основном на Северном флоте и Камчатской флотилии Тихоокеанского флота. Альпак представляет собой куртку с раздвоенным капюшоном на молнии с верхом из ветроводонепроницаемой ткани и с низом из верблюжьей шерсти, а у канадки верх из грубой кожи, а низ – из медвежьего меха. Характерной особенностью этой одежды является отсутствие погон.

ация со стороны выглядела именно так. Столь непринужденно дрючить личный состав могли лишь старшие офицеры, заматеревшие за годы службы...

– Ну так что? – повторил вопрос Хас. – Так или нет?

– Так... – проблеял солдатик.

– Тогда попробуем ещё раз. Давай заново. Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться...

– Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться... – начал ныть патрульный, вытянувшись в струну.

– Не разрешаю, – оборвал его Хас.

– Что?! – Мир рухнул к ногам солдата.

– Не разрешаю, – повторил Хас. – Что будешь делать?

К этому жизнь солдатика не готовила. Он блумкал глазами, как рыбка Дори, и усиленно пытался сообразить, как ему следует поступить в этом случае.

– Иди к начальнику патруля, доложи ему ситуацию и спроси, что делать дальше, – участливо подсказал Хас.

– Разрешите идти? – патрульный исполнил образцовый поворот «через плечо».

– Разрешаю, – милостиво кивнул Хас. И, дождавшись, пока солдатик исполнит три строевых в направлении майора, быстро нырнул в спасительный провал метро...

7 сентября 1755 года. Порт-ля-Жуа

Подполковник Пьер-Андре Гоэн де Монтрёй, представитель губернатора Меннвилля

– Это и есть Порт-ля-Жуа? – спросил меня русский полковник Хасханов хоть и с акцентом, но по-французски. Мы с ним общаемся уже достаточно долго по делам службы – и с некоторых пор это общение переросло во вполне дружеские отношения. И меня радует то, что он каждый день все больше и больше переходит в разговорах со мной на французский язык и делает в нем несомненные успехи.

– Вы знаете, полковник, я его и сам не сразу узнал, – ответил я на том же языке. – Здесь, конечно, была глубокая провинция, но все же в городке всегда было чисто и опрятно.

Небольшой населенный пункт с разноцветными домами и аккуратной церквушкой на центральной площади был окружен бревенчатой стеной с немногочисленными башнями. В этом кольце выделялись новые длинные здания ближе к лесу – частью уже достроенные, частью, судя по всему, заброшенные после начала работ. Но за пределами города теперь находились шалаши и просто землянки, а кое-где и наспех сколоченные домики. И три длинных здания, больше похожих на бараки – тоже частично недостроенные.

Чтобы мой визави меня лучше понял, я все же перешел на английский.

– После того, как англичане начали изгонять акадцев с их родины, сюда хлынула волна беженцев, и население выросло в несколько раз. К счастью, незадолго до этих событий губернатором острова был назначен Морис Дионн. Он более или менее справлялся с их наплывом – в частности, каждый беженец мог бесплатно получить землю на строительство за пределами города в обмен на работы по сооружению казарм для усиленного гарнизона и общежитий для новоприбывших. Но строительство это почему-то прекратилось, и причины этого непонятны.

К моему удивлению, на причале нас никто не встретил. Мы с полковником отправились в портовую контору, где неопрятного вида дежурный, даже не повернув к нам голову, лениво процедил:

– Таксу за стоянку корабля и разгрузку вы, надеюсь, знаете?

– А ну встать, когда с тобой говорит представитель губернатора де Меннвилля! – рявкнул я.

Тот мгновенно обмяк, съежился и жалобно заблекотал:

– Мсье, простите меня, я просто подумал, что вы обычные купцы.

– Понятно. Как зовут тебя, бездельник?

– Шарль... Шарль-Огюстен Трюдо, мсье...

– Шарль-Огюстен Трюдо, – я с трудом сдержался, чтобы не отвесить затрешину этому негодяю, посмевавшему так грубо отвечать мне, дворянину и чиновнику на королевской службе, – ты арестован за мздоимство – но, самое главное, за преступный саботаж.

– Но я всего лишь исполнял распоряжения губернатора, мсье... – Мне показалось, что это ничтожество сейчас расплатится. – Я не виноват!

– Губернатора, говоришь? Навестим мы и твоего губернатора. А пока... Если ты хочешь как-то облегчить свою участь... – Трюдо закивал головой, как китайский болванчик. – Надо немедленно обеспечить разгрузку нашего корабля и разместить русских офицеров, а также личный состав, прибывший сюда. Сделаешь, как надо – не будешь повешен. Во всяком случае, сегодня.

– Да я с радостью, мсье... – человек выразил готовность выполнить любой мой приказ. – Вот только, мсье, я не знаю, где их разместить. Никаких распоряжений от губернатора на сей счет я не получал.

Трюдо мы оставили в конторе под охраной, а сами, взяв с собой четверых шотландцев, отправились к губернатору острова Святого Иоанна. Да, и у острова Святого Иоанна, и у Королевского острова имелись свои губернаторы, и до недавнего времени губернатор последнего был одновременно и губернатором Акадии. Но после потери всех трех фортов на материке губернатор де Меннвилль, согласно полученным из Парижа инструкциям, переподчинил себе обоих губернаторов – и заменил губернатора острова Святого Иоанна на Мориса Дионна, уроженца этих мест, до недавнего времени работавшего в Квебеке одним из помощников де Меннвилля.

– Интересно, мне почему-то кажется, этот Трюдо не врет насчет того, что ему ничего не было известно о нашем прибытии, – сказал полковник, пока мы шли по изрядно загаженной улочке в резиденцию губернатора. – Тем более, вы говорили, что этот ваш Дионн – так, кажется его зовут – заверил вас письмом о том, что все будет готово к началу сентября.

– Действительно, странно, – я вынужден был согласиться с полковником. – С Дионном я знаком давно, и он никогда не давал мне повод усомниться в умении держать обещания – равно как и в своей честности. Но вот уже его дворец. Сейчас мы все узнаем...

Полковник хмыкнул – дворцом этот довольно-таки скромный двухэтажный особняк на главной площади назвать было трудно. По моей просьбе он приказал шотландцам дожидаться нас у дверей и никого не выпускать без нашего разрешения. Затем мы постучали в дверь и, услышав «Что вам надо?», вошли.

– Губернатор занят, – сказал молодой секретарь, даже не бросив взгляд на нас. – Но если то, с чем вы пришли, очень важно, то я могу вам посодействовать.

И только после этих слов он посмотрел на нас. История с Трюдо повторилась практически полностью – вот только арестовывать этого «содействателя» было пока не за что.

– И как же вы будете содействовать? – спросил я у секретаря, но тот, бросив на меня взгляд, сразу понял, что к чему, и, почтительно раскланявшись перед нами, пискнул:

– Господа, конечно, губернатор у себя. Позвольте узнать, как вас ему представить?

– Мы уж как-нибудь сами обойдемся, – усмехнулся я, и мы открыли дверь в кабинет губернатора. Как я и начал подозревать, моего старого знакомого Дионна там не было – в его кресле развалившись сидел незнакомый мне уса́тый толстяк со спесивым выражением лица.

– Что вам надо? – спросил он весьма неприветливым тоном.

Я был в походной форме, и по ней трудно было определить мое звание. Полковник же в своей кожаной индейской одежде вообще был мало похож на военного. Но этот тьюфак, возмнивший о себе невесть что, плохо знал азбучную истину – грубое обращение с незнакомыми

людьми порой может привести к большим неприятностям. О чем толстяку как раз сегодня и предстояло узнать.

Я протянул ему документ, полученный от губернатора, и сказал вежливым, но не менее холодным тоном:

– Подполковник Гоэн де Монтрёй и полковник Асканофф¹³, к вашим услугам. Потрудитесь ознакомиться с моими полномочиями.

Тот резко переменялся в лице, осторожно, двумя пальчиками взял бумагу с печатью и размашистой подписью губернатора, с опаской прочитал ее первые строки и побелел так, что сам стал похож на маску, вырезанную из бумаги. Удивительно, как быстро его багровая физиономия потеряла свой цвет. Прочитав, он бережно положил документ на стол, вытер вспотевшее лицо платком, после чего жалобно произнес:

– Мсье, тысяча извинений. Но, поверьте, я совсем не ожидал вашего визита...

– Странно. Я написал об этом губернатору мсье Дионну достаточно давно и даже успел получить от него ответ, в котором он заверил меня, что все будет готово в срок. А теперь вдруг выясняется, что никто ничего не знал. Интересно, почему так случилось?

– Но мсье Дионн... Тут такое дело... Видите ли, мне пришлось отстранить его от должности, и меня не интересовали его... оправдания...

– Оправдания?

– Именно так, мсье. Три недели назад я прибыл сюда по указанию мсье Огюстена Бошанри де Дрюкура, губернатора Луисбурга. Морис Дионн написал мсье де Дрюкуру об огромном наплыве беженцев, для которых у него отсутствовали не только провизия, но даже места для ночлега. Тот послал меня разобраться во всем... Но грубость мсье и несправедливые выпады по отношению ко мне и к мсье де Вергору заставили меня взять власть в свои руки, на что я имел полномочия от мсье Бошанри де Дрюкура.

– Очень интересно. Но вы так и не представились, мсье.

– Пардонне-муа, мсье... Меня зовут Жюль Дешен. Я был мэром Бобассена до падения Босежура. Как вы, наверное, знаете, после капитуляции мы были задержаны англичанами. Нижних чинов они до сих пор держат в Босежуре, офицеры же были отпущены в Луисбург в конце июля, и меня... Меня тоже отправили вместе с ними. После ужасного пешего перехода по грязи в форт Гаспаро нас посадили на наш бывший «Сен-Дени» – они его переименовали в *Badger*, так по-английски будет барсук – и отправили в возмутительной тесноте в Луисбург. Представляете себе, они посадили нас в одной морской миле от берега на шлюпки и заставили грести по бурному морю в Луисбург... Слава богу, мы не перевернулись и не пошли на дно!

– И где же сейчас мсье Дионн?

– Я приказал прибывшим со мной морским пехотинцам его арестовать. Вообще-то ему самое место в портовой тюрьме, но, принимая во внимание тот факт, что он был до меня губернатором острова, я распорядился поместить его в подвалы губернаторского дворца. Конечно, надо было послать его в Луисбург и предать суду, но я надеялся получить от него извинения...

– Ну что ж, мсье Дешен, придется вам с губернатором поменяться местами, – тут я сделал рукой некий жест, от которого этот негодяй снова побледнел. – Послезавтра мне следует отбыть с инспекцией в Луисбург, и вы отправитесь со мной. Заодно и узнаем, имели ли вы подобные полномочия от мсье Бошанри де Дрюкура.

Дешен даже подпрыгнул.

– Мсье, не надо! Скажу честно, таких полномочий у меня на самом деле не было. Но, знаете ли, когда ты видишь несправедливость...

¹³ Один из вариантов того, как французы произнесли бы «Хасханов».

– Понятно... Впрочем, губернатор Луисбурга не имеет преимущества в своих правах над губернатором Порт-ля-Жуа. Так что я очень надеюсь, что мсье Бошанри де Дрюкур послал вас сюда по ошибке, и у него не было злого умысла.

– Именно так, мсье...

Я вызвал шотландцев, и полковник – именно ему они подчинялись – отдал им приказ арестовать Дешена. Несмотря на завывания толстяка, его увели. А секретарь сам предложил привести Дионна из подвала особняка.

Через несколько минут к нам привели Мориса.

– Здравствуйте, мсье полковник! – узник, ставший свободным, вежливо поздоровался со мной. – И вы, мсье...

– Полковник Хасханов.

– Рад вас приветствовать в нашем городе, мсье полковник. Губернатор де Меннвилль написал мне, что именно вы теперь являетесь главным на нашем острове. Простите, но письмо маркиза я получил за день до прибытия Дешена и не успел организовать вашу встречу, но в общих чертах я знаю, что делать. Только позвольте мне хотя бы переодеться, побриться и умыться – а то я перед вами стою в самом nepoтpeбнoм виде...

– Вы говорите по-английски? А то мсье Асканофф плохо знает французский, – улыбнулся я.

Дионн перевел сказанное на немного неуклюжий английский и добавил:

– Вас и ваших офицеров я намеревался разместить в гостевом доме для особо важных гостей, а ваших людей – в казармах. Это недалеко отсюда, буквально в минуте ходьбы... Там, конечно, есть и отдельное здание для офицеров...

– Мы останемся с нашими людьми, – кивнул Асканофф. – Надо будет только разместить и накормить всех как можно скорее. А подробности мы обсудим с вами за обедом – после того, как вы...

– ...Приведу себя в порядок? Хорошо!

– Позвольте задать вам лишь один только вопрос. Почему этот Дешен на вас так взъярился?

– Не секрет, – ухмыльнулся Дионн, – что львиную долю денег на обустройство Босежура присвоил лично де Вергор либо некоторые его люди – такие, как Дешен, поставленный им на должность мэра Бобассена. Поэтому-то форт так легко и сдали – он абсолютно не был готов к обороне, хотя на бумаге всё обстояло хорошо. А сейчас англичане изгоняют население Акадии, как из той ее части, которая перешла к ним сорок лет назад, так и с земель к западу от бывшей границы. Я сказал Дешену, что мы уже сейчас с трудом можем прокормить и разместить поток беженцев – а что будет, когда английские выродки выгонят всех? И уж тем более, когда они придут сюда, на Королевский остров? Ведь сразу было ясно, что материковой Акадией британцы не ограничатся. Я добавил, что, если бы не они с де Вергором, оба форта можно было бы удержать – и англичане не смогли бы начать войну с мирным населением без риска потери их части Акадии.

*7 сентября 1755 года. Порт-ля-Жуа, остров Святого Иоанна
Андрей Кузьмич Новиков, воин и кузнец*

Волны тихо плескались у извилистого зеленого берега залива, прямо у подножия звездообразной крепости, чем-то напоминавшей форт Дюкенъ, но намного меньше размером. Рядом – два причала и склады, обнесенные частоколом. За ними – палисад, внутри которого располагался поселок – приземистые одноэтажные деревянные избы, окружавшие центральную площадь, на которой находилось с полдюжины двухэтажных домов. С одной стороны возвышалась

церковь с башенкой-колокольней. А за палисадом – хижины поскромнее, некоторые даже скорее были похожи на большие шалаши.

Светило ласковое солнце, пели птички, чуть поодаль зеленели леса... А ведь еще вчера в заливе Святого Лаврентия дул холодный северный ветер, волны захлестывали палубу, и большая часть пассажиров лежала на палубе, страдая от качки. На меня, к счастью, морская болезнь не подействовала, но и мне было боязно выходить на палубу – того и гляди упадешь за борт. Так что я не мог дожидаться, когда мне наконец доведется ступить на твердую землю... А мой отец, Кузьма Васильевич, служил на флоте – сначала на российском, а потом волею судеб на шведском корабле, на котором он и прибыл в Квебек.

– Да, это не Рио-де-Жанейро, – насмешливо произнес кто-то из русских.

Не знаю, что такое Рио-де-Жанейро, но перед нами был городок, не похожий даже на Квебек. Тем не менее мне он понравился – тихо, спокойно, чисто – даже там, где теснились хижины...

– А вон и кузница, – показал я рукой своему другу Клаусу Ойгену Кинцеру на стоящее чуть поодаль каменное здание – наверное, единственное во всем поселке, из трубы которого поднимался густой черный дым. Называл я его, с легкой руки Томми Робинсона, по-французски – Эжен. Хотя французского он почти не знает, зато учит русский язык, старательно, как все немцы. Правда, Эжен делает множество ошибок, порой очень смешных. Вот как сейчас:

– Я надеюсь, что господин коллега наш друг будет.

Да, Эжен – оружейник, а я – кузнец. Точнее, кузнец – мой отец, но его Хас попросил остаться в Квебеке, ведь только он из всех русских свободно говорит по-французски. А я долгие годы был у него помощником, но уже года четыре, как он начал доверять мне все более сложную работу, а перед нашим отъездом обнял меня и прошептал на ухо:

– Сынок, ты будешь хорошим кузнецом, я знаю. Эх, не хочется тебя отпускать, но, сам знаешь, долг превыше всего... Слушайся во всем наших друзей-воинов – они тебе плохого не посоветуют. И не забывай нас с Васенькой.

Но только сейчас, когда наше путешествие подошло к концу, я осознал, что теперь решать все вопросы придется мне лично. Как говорил мне отец, мужчиной становишься тогда, когда груз ответственности ложится на твои плечи. И, пока папы с нами нет, я – единственный кузнец нашего нового племени и один из двух его оружейников.

Да, оружия на первое время у нас хватает – губернатор распорядился передать нам большую часть трофеев, взятых в битве на Мононгахеле. Тогда мы вместе с французами разбили превосходящие силы англичан. Мне тоже довелось поучаствовать в том бою и застрелить из ружья двух неприятельских солдат.

Но, главное, теперь у нас имеется около шестисот весьма неплохих ружей. Конечно, ни в какой степени не сравнимых с оружием наших друзей из отряда Хаса, но таких, как у нас, нет и у многих здешних жителей...

Еще в Квебеке мы с отцом, Клаусом и Хасом с его людьми обсуждали, как сказал русский капитан, «оружие прошлого». Почему «прошлого», я не понял, ведь того, о чем нам рассказывали наши друзья, нет нигде. И еще они размышляли, как сделать более прочное железо – Хас назвал его «сталью» – для изготовления оружия. Мы размышляли о разных конструкциях ружей, в том числе и многозарядных. И придумывали, как сделать порох, от которого почти нет дыма. Хас даже рассказал про некую «гремучую ртуть», которая при ударе дает искру, воспламеняющую порох, но никто из русских не помнил секрета ее изготовления. Кто знает, может, нам повезет, и мы когда-нибудь сумеем сделать эту ртуть...

Так что первое, что нам надо – это построить и оборудовать кузницу, благо отец передал нам весь свой инструмент. Железная руда, некоторые другие металлы и уголь добываются на соседнем острове Иль-Руаяль, что означает «Королевский остров». И, как нам рассказали, и то, и другое можно достать в любом количестве и весьма недорого. По крайней мере, так

нас заверили, а как все это будет на самом деле – посмотрим. Хотя... Насколько я знаю моих русских друзей, они умеют добиваться желаемого.

Но пока что нам нужно сделать первый шаг – открыть свою мастерскую. И найти, как ужиться с конкурентом. Ведь бояться ему нечего – мы не собираемся перебивать у него клиентов, у нас, как говорят ребята Хаса, другой профиль деятельности.

– Вряд ли он будет нашим другом, – покачал я головой. – Но попробуем хотя бы добиться того, чтобы он не стал нашим врагом.

Специально для нашей группы была выделена двухэтажная офицерская казарма на территории форта – вообще-то он строился для пятисот человек, но сейчас в нем было всего лишь полторы сотни. Мне досталась небольшая угловая комната с двумя топчанами, с видом на поселок и на лес. Шкафов не было, так что я положил свои вещи в угол, подумав, что надо будет сколотить хоть полку, и пошел к немцу, который внимательно следил за тем, чтобы наш инструмент перенесли на склад рядом с казармой и аккуратно сложили его, да не просто сложили, а сделали это бережно и не бросили на пол – именно так выглядела вторая половина склада.

– Ну что, Эжен, пойдем познакомимся со здешним кузнецом? Заодно и место для мастерской присмотрим.

Кузница оказалась лишь одним из нескольких зданий, обнесенных высоким забором. Жилой деревянный дом, целых два каменных строения – второе мы с корабля не увидели, потому что его заслоняло первое. Конюшня, несколько хозяйственных построек, крепкие ворота... Я постучал, и сразу же за забором залаял пес. Вскоре послышался недовольный голос – человек говорил по-французски, но, как я понял по его произношению, он не был французом:

– Кто это пришел? Кому дома не сидится?

– Андрей Новиков и Клаус Ойген Кинцер, мы тоже кузнецы, – ответил я на том же языке.

– Кинцер? – в голосе человека за забором послышалось удивление. Он немного помолчал, прокашлялся, а потом вдруг заговорил по-немецки. Эжен ответил ему на том же языке, ворота распахнулись, и хозяин – высокий светловолосый человек с небольшой бородкой – обнял Эжена, а потом протянул мне свою огромную ладонь и что-то приветливо сказал.

– Хозяин приглашает нас к себе, – перевел Эжен. – Я знаю его, пять лет назад мы вместе в Бремен работали. Он из Эсслинген, рядом с Штутгарт, то есть почти мой земляк. Имя Йоахим Хэберле.

Нас сразу же усадили за стол, и хозяин налил по большой оловянной кружке ароматного пива, а на столе поставил тарелку с копченой рыбой и ломтями домашнего хлеба. Сам же Йоахим принялся жарить огромные куски лосятины и отваривать толстую домашнюю лапшу, которую, как мне потом рассказал Эжен, швабы называют смешным словом «шпэцле» – «воробушки». Оказалось, что он умел не только махать молотом, но и готовить еду. И одновременно, не отрываясь от своего дела, разговаривал с нами.

Общего языка у нас не было – Йоахим не знал ни английского, ни русского, не говоря уж о мохокском или конестога. Зато он в совершенстве говорил по-французски и по-микмакски. Поэтому большую часть времени он говорил с Эженом на швабском диалекте, оказавшемся, как ни странно, достаточно певучим, а Эжен переводил мне.

Йоахим жил в Порт-ля-Жуа уже три года. Выяснилось, что и ему наобещали райскую жизнь в Новом Свете. Оказавшись в Филадельфии, он быстро понял, что вся эта история может закончиться для него плохо. Он бежал, сначала в Бостон, а когда его и оттуда чуть не выдали, в Акадию. Сначала он направился на Иль-Руаяль, но, узнав, что на острове Святого Иоанна не было своего кузнеца, он перебрался сюда. Йоахим женился на индианке из племени микмак, но год назад та умерла при родах, вместе с младенцем, и с тех пор он живет совсем один.

– Эх, если бы знал, что меня здесь ждет, никогда бы не уехал из родных мест... Или отправился бы в Россию. А вы, Андрей, откуда? – Это было сказано уже по-французски.

– У меня отец русский, а мать – индианка из племени мохоков, – ответил я. – А в последние годы мы жили у сасквеханноков, далеко на юге. Но отец нам всегда говорил, что мы русские, и я считаю себя русским. И немного карелом – так называется тот народ, к которому принадлежал мой отец, пока они не стали частью русских.

– Если хотите, переезжайте ко мне, пока не постройте свои дома. Места у меня много. Да и одна мастерская пустует – я хотел из нее сделать оружейную, да все руки не доходят, ведь у меня столько заказов... А то мне одному весьма одиноко, да и про Ойгена я знаю, что он – лучший оружейник, которого я когда-либо видел. И про тебя он сказал, что ты хороший мастер. Так что милости прошу!

– А мы вас не стесним?

– Дом большой, для всех места хватит. А если вы и по хозяйству помогать будете – ну там со стиркой, с готовкой... Будем делать по очереди – так всем будет легче.

– Спасибо! Я согласен. – И я перевёл наш разговор Эжену, а тот расплылся в улыбке и радостно закивал.

– А еще у меня есть свой интерес. Если вы захотите отправиться в Россию, возьмите меня с собой!

– Надо, конечно, поговорить об этом с русскими – но они точно не откажут.

– Ойген говорит, что он учит русский язык. Нельзя ли мне тоже этим заняться?..

– Помогу, чем смогу. А когда ты выучишь начатки, можем постепенно переходить на русский – для начала один день в неделю.

– Неплохая идея, так мне кажется. Как, кстати, мое имя будет по-русски?

– Наверное, Аким, – сказал я с осторожностью. – Так звали моего дядю. Отец мне про него рассказывал.

В тот же вечер мы все переселились к Акиму, о чем мы потом ни разу не пожалели. Он не только оказался радушным хозяином, но и мастером, каких поискать. А еще у него была налажена поставка угля, железа, меди и свинца с Королевского острова. Так что Господь слышал наши молитвы...

*9 сентября 1755 года. Порт-ля-Жуа, остров Святого Иоанна
Мартен Прюдомм, новобранец*

– Мартен Прюдомм, говоришь? – сказал клерк, старательно выводя мои имя и фамилию. – Писать умеешь? Да? Тогда распишись вот здесь, – и он ещё раз обмакнул перо в чернильницу и передал его мне.

Я обратил внимание, что перед моей фамилией красовался номер сто двадцать семь – и что за большинством других имён на моей странице стоял крестик.

– Ну что ж, солдат Прюдомм, – и он выдал мне два деревянных кругляша. – По этому – получишь обмундирование, по этому – оружие. Следующий!

– А... мама, сёстры, бабушка?

– Как и было обещано, они с этого момента на довольствии, и их обеспечат жильём. Следующий!

Ещё позавчера мне казалось, что всё кончено, не успев начаться. Снова нам придётся покидать наше пристанище и уходить – куда? В Квебек? В Луизианскую колонию? И сколько времени пройдет, пока эти проклятые росбифы¹⁴ не заберут всё, что тебе принадлежит, и не выгонят тебя и оттуда? Это если тебе повезёт, и тебе позволят уйти – а то гнить тебе в братской могиле с десятками таких же несчастных.

¹⁴ Les rosbifs (фр.) – презрительное название англичан, от *англ.* roast beef – «ростбиф».

Жили мы до недавнего времени в деревне Гаспаро¹⁵. Ещё мой прадед, Луи Прюдомм, выходец из Нормандии, поселился там в восьмидесятом году прошлого века, построив копильню для рыбы гаспаро, которой славились местные реки. Но рыба приходила в реку только весной, поэтому он заложил и ферму – а мой дед Мартен, в честь которого позднее назвали и меня, унаследовал ту её часть, что была подальше от самой деревни.

Полсотни лет назад наши земли были отданы Англии. Вскоре пришли английские чиновники и потребовали ото всех принести клятву верности английской королеве Анне. Многие отказались это делать – и им резко повысили налоги. Мой же дед, по словам отца, в конце концов положил руку на Библию и прилюдно произнёс текст клятвы «за себя и за всю мою семью и потомков». Поборы всё равно увеличились, но не настолько, сколько для тех, кто не оказался в списке английских подданных.

В сороковых годах англичане вновь начали войну, захотев забрать всю Акадию, а не только её восток. Но тогда фортуна улыбнулась французам, и в сорок седьмом году мичман Жан-Батист Николя Рош с небольшим отрядом разгромил англичан у Гран-Пре и освободил нашу часть Акадии. Но вскоре было заключено очередное перемирие, и всю Восточную Акадию вернули англичанам.

После этого всех, чьи предки не дали клятвы верности, попросту выгоняли из английских владений – конфискации подлежали и земли, и строения, и домашняя скотина... Кто уехал на один из островов к северу, кто в Западную Акадию, кто в Квебек, а некоторые вернулись во Францию. Но многие ушли в леса – и началась партизанская война.

Во главу отрядов встал отец Жан-Луи Ле Лутр, католический миссионер, живший среди местных индейцев-микмаков – и они выступили плечом к плечу с акадцами против тирании росбифов. Надо сказать, что Франция их не поддержала, хотя многочисленные добровольцы из той части Акадии, которая оставалась французской, принимали в этой войне участие. Сначала боевые действия против «варёных омаров», как у нас окрестили регулярные английские войска за цвет их мундиров, шли относительно успешно, но тех становилось всё больше, да и, нужно сказать, они воевали всё лучше. Так что война практически закончилась уже к пятидесятому году, хотя кое-где отдельные стычки продолжались.

В июне англичане, усиленные очередным пополнением из Англии и колоний, захватили форты Гаспаро и Босежур на перешейке Шиньекто. Дорога в Западную Акадию была открыта, и падение её было лишь вопросом времени. Но англичане решили сначала избавиться от акадского населения – и на рассвете тридцатого июня в Гаспаро вошла рота «лобстеров». Всех жителей согнали на центральную площадь села, где нам объявили, что акадцы должны немедленно покинуть Новую Шотландию, как они теперь стали называть Восточную Акадию, оставив всё своё имущество на месте.

Отец вышел вперёд, поклонился и сказал, что его семья принесла присягу ещё королеве Анне, и что большинство других семей также подданные английской короны. Несколько других присоединились к нему – после чего их прилюдно расстреляли там же, у стен нашей церкви. И единственным мужчиной в нашей семье остался я, Мартен Мари Прюдомм, шестнадцати лет от роду.

И первой моей задачей в новой моей «должности» было принести лопату и помочь выкопать братскую могилу там же, у церкви. Но когда мы – бабушка, мама и три младшие сестрёнки – вернулись домой, там уже хозяйничали росбифы, и нас попросту туда не пустили, пальнув над головами для острастки. К счастью, отец во время «войны отца Ле Лутра» спрятал небольшую сумму денег в горшке, зарытом у сеновала. Лопата у меня как раз была, и я смог её выкопать, а также забрать удочку, лежавшую у местного ручья. Но это было всё – кроме этих денег,

¹⁵ Gasparot (*фр.*), Gaspereau (*англ.*) – деревня в теперешней канадской провинции Новая Шотландия, на юго-востоке Акадии. Название форта на перешейке Шиньекто звучит так же, но пишется по-другому (Gaspereau).

у нас оставалась та одежда, которую мы успели натянуть с утра, и та самая лопата, а также топор, торчавший в полене. Ни зимней одежды, ни еды, ни охотничьего ружья, ни лошадей, не говоря уж о повозках...

Но, с Божьей помощью, мы как-то сумели добраться до Пикту на северном берегу, где мне пришлось отдать почти все деньги лодочнику, доставившему нас в Порт-ля-Жуа. Тут мне повезло, что у меня был топор – когда я увидел, как лодочник и его матрос начали о чём-то шушукаться, я как бы невзначай показал им его, после чего те закивали и больше не пытались ничего сделать.

А в Порт-ля-Жуа нам сразу же дали понять, что здесь нас не ждали. У нас не было ни еды, ни жилья, ни возможности как-либо заработать на жизнь. Всё стоило очень дорого, но нас спасала от голодной смерти рыбалка. А ещё я вырыл землянку у стен городка, накрыв её брёвнами – топор я, хоть мне за него и предлагали кое-какую сумму, решил оставить себе.

Всё изменилось, когда пришли русские. Первым делом они накормили всех желающих – вы не представляете себе, каково было впервые за долгое время вновь поесть мяса после рыбы и муки, которую мы выменивали на эту рыбу. А потом объявили о наборе мужчин в ополчение – и о том, что их семьям будут предоставлены кров и питание.

После того, как мне выдали самое настоящее обмундирование – пусть не такое яркое, как у росбифов либо регулярных французских войск, а неприметного коричневато-зеленоватого цвета – и паёк, я вернулся к семье. Мама и бабушка, узнав, что я записался в ополчение, схватились за голову, но когда их в тот же вечер переселили из землянки в одну из новых казарм, названную теперь «общежитием», пообещав в ближайшее время построить для всех настоящее жильё, и вновь весьма сытно накормили, бабушка посмотрела на меня и сказала:

– Мартен, милый, спасибо тебе. Вот только... не посрами памяти своих предков, когда будешь сражаться с этими нелюдьми.

10 сентября 1755 года.

Микмакская деревня Лнци Мникук

Андрей Новиков, переводчик

Наша миссия к местным индейцам-микмакам состояла из членов Совета племени под началом верховного вождя того, что осталось от некогда гордого союза племён конестога¹⁶ – Ванахеданы из клана Черепях. Мы – это Ванахедана, члены Совета племени, Хас – военный его вождь, Аластер Фрейзер, он же Волчонок, не так давно назначенный заместителем военного вождя, и я, Андрей Новиков, он же Хитрый Барсук. Пусть я наполовину русский, наполовину мохок, но когда-то моему отцу было дозволено поселиться в деревне, и я с тех пор тоже конестога из Аتكваначуке. Или не совсем – главное у конестога – к какому клану ты принадлежишь, а кланы у нас определяются сначала по матери, а после женитьбы – по супруге.

Да и не очень-то я был на них похож, если честно. Настоящие сасквеханноки высокие, статные, хотя красоту их лиц почти у всех подпортила оспа. Я был не менее высоким, чем они, и кожа моя была смугловатой, но глаза и у меня, и у моей сестры были светлее, чем обычно у индейцев, а волосы не чёрные, а, как говорят французы, каштановые¹⁷.

Микмаки, хоть тоже индейцы, выглядели совсем по-другому – невысокие, плотные, да и лица были более тёмными, чем у конестога. Впрочем, одеты они были, как и мы, в костюмы из оленей кожи, пусть несколько другого покроя, а на голове у большинства было по единому перу, только у обоих вождей было по несколько перьев какой-то из местных птиц. А те, кто помоложе, нередко щеголяли в европейского вида шляпах.

¹⁶ Самоназвание сасквеханноков.

¹⁷ Русское слово «шатен» происходит от французского «châtain», что и означает «каштан».

Меня позвали по одной очень простой причине – я был единственным членом племени, кто хорошо говорил по-французски, а среди микмаков очень немногие знали хоть пару слов по-английски. Языки же племён – конестога и микмакский – были совсем непохожи друг на друга¹⁸.

Нас предупредили заранее, чтобы вначале никто ничего не говорил. И действительно, нас встретили вожди племени – я знал, что первого из них звали Китпу, «орёл» – и жестом указали на место посередине деревни, где было подготовлено дерево для костра. Затем сначала Китпу, а за ним и другие вожди уселись вокруг костра – точнее, все, кроме человека в странной одежде, вышитой бисером, и в чем-то вроде короны, какую носит король Франции на парадных портретах, на голове. Вот только корона эта была из металлических и костяных пластин, и с неё свешивались длинные связки бисера.

Мы уселись вокруг кострища, после чего шаман – никем другим человек в странной одежде быть не мог – удалился в шалаш и вернулся с палкой, на конце которой горел пучок травы. Этой палкой он зажёл костёр, а когда тот разгорелся, вернулся в шалаш и на сей раз принёс длинный вышитый замшевый мешочек и ещё один, поменьше, первый из которых он передал Китпу, а затем не спеша занял место справа от первого вождя.

Шаман достал из длинного мешка старую, выдавшую виды чашу трубки из коричневого камня с тремя дырочками внизу, вставил в неё длинный чубук, и не спеша наполнил её смесью табака и каких-то трав из второго мешочка. Затем взял лучину, поджёг её от костра и раскурил трубку, после чего бросил лучину в костёр. И наконец, сделав ещё одну затяжку и повернув трубку в сторону Ванахеданы, бережно протянул её нашему вождю.

Тот сделал не спеша несколько затяжек, затем таким же манером передал её Хасу. Трубка пошла по кругу, а когда я, наконец, передал её шаману, он докурил её, бережно затушил и высыпал пепел в костёр.

И лишь теперь Китпу заговорил на неплохом французском:

– Добро пожаловать, пришельцы! Маниту¹⁹заповедал нам, что все мы – братья, и что каждого гостя надлежит принимать соответственно. Особенно если они попали в беду.

Я перевёл, а Ванахедана прижал руку к сердцу и ответил:

– Мы благодарны тебе, вождь Китпу, и твоим людям. Наш народ, некогда весьма многочисленный, обманом перебили бледнолицые, а оставшиеся пять деревень поумирали от оспы, которую принесли нам бледнолицые торговцы на заражённых одеялах. Те, кто выжил, поселились в деревне Аткованачуке, которую нам также пришлось оставить, хотя мы сумели убить немало из тех, кто пришёл, чтобы убить нас. Но без помощи Стремительного Волка из клана Волка, – он показал глазами на Хаса, – который со своими бледнолицыми, именуемыми русскими, пришёл на помощь, а затем стал нашим военным вождём, мы бы все погибли. Не только воины, но и женщины, и дети.

– Маниту угодно, чтобы людям, попавшим в беду, помогали. И мы обсудили на совете вождей, что мы готовы позволить вам поселиться среди нас, а, если вы этого захотите, то и принять ваш род в своё племя и выделить вам место для проживания.

– Благодарю тебя, Китпу, – Ванахедана вновь прижал руку к сердцу. – Что скажете, члены совета?

¹⁸ Конестога принадлежал к ирокезским языкам, микмакский – к алгонкинским, и разница между ними сравнима с таковой между японским и русским.

¹⁹ Хотя в книгах и фильмах об индейцах их верховное божество практически везде именуется Маниту, на самом деле это имя происходит именно из языка микмаков – первых, кто встретил бледнолицых в Северной Америке, – и примерно так же это божество именуется у других племён, говорящих на языках алгонкинской семьи. У других племён своя религия и свои имена богов.

Все трое по очереди прижали руку к сердцу и сказали «хе-хе»²⁰, после чего верховный вождь объявил:

– Мы с радостью принимаем ваше предложение. Но мы здесь не только поэтому. Англичане истребили наше племя и отобрали у нас наши земли. Мы хотели бы, чтобы ваши земли остались домом микмаков и акадцев, которые жили в мире и согласии до прихода англичан. Но об этом вам расскажет наш военный вождь, Стремительный Волк, известный среди русских как полковник Хасханов. – И он, вновь прижав руку к сердцу, посмотрел на Хаса.

– Я, Стремительный Волк, известный среди русских как Хас, благодарю тебя, Ванакхедана, за твои слова, и тебя, Китпу, за твоё гостеприимство, да продлит Маниту дни твои и всего твоего племени, – заговорил Хас, также с рукой у сердца. – По рождению я не индеец, я бледнолицый из далёких краёв, именуемых Россией. Мой отец – из племени, именуемого чеченцами, а среди предков моей матери – самые разные народы. Мои люди также из разных племён, живущих в России, но все они называют себя русскими. А теперь я принят в клан Волка гордого народа конестога. Волею случая мы попали в края, где ранее обитали конестога, и мы все вместе смогли разбить англичан и их союзников не раз и не два. Но у англичан сладкие речи, их становится всё больше, и они отберут у вас ваши земли, а ваших людей кого поубивают, кто умрёт от принесённых ими болезней, а кого запрут на самых для них бесполезных клочках земли, именуемых резервациями. Наша задача – не допустить этого. Пусть русские, микмаки и акадцы живут вместе в мире и согласии. Но, как говорил один наш мудрец, хочешь мира – готовься к войне. Пока англичане находятся в Акадии, мира не будет. Мы хотим изгнать англичан из Акадии – и мы это сделаем.

Я перевёл, и Китпу начал переговариваться со своими вождями на своём языке. После чего он повернулся к нам и сказал:

– Благодарю тебя, Хас, и твоих людей. Мы с радостью поможем вам, чем можем, ибо сам Маниту благословил нас на это, о чём вам расскажет Ткоквеж, – и он показал глазами на шамана.

– Две луны назад мне пришло видение, – заговорил человек в странной короне. – Я увидел полчища огромных красных крыс, вышедших из моря на нашу землю. Они набросились сначала на наши огороды, а затем и на нас самих. Мы дрались, как могли, но крысы были сильнее, и их было слишком много. Когда я подумал, что всё уже кончено, из-за другого моря пришла большая лодка с бледнолицыми. Я подумал, что они нас добьют, но они сразу же стали с нами плечом к плечу и погнали крыс обратно в море, перебив их столько, что берега Эпеквитка – так мы именуем свой остров – стали красными и от их трупов, и от их крови. И я услышал голос Маниту: «Это – братья твои из-за далёкого моря, они не причинят моему народу зла, только добро». О чём я и рассказал тогда и Китпу, и другим вождям.

– Поэтому мы сделаем всё, о чём вы нас попросите, – продолжил уже Китпу. – И, если вам нужны воины, наши молодые люди пойдут с вами и с радостью отдадут свои жизни в бою с красными крысами.

– Мы будем благодарны за ваших воинов, – кивнул Хас. – Вот только сначала мы их научим воевать так, чтобы, как сказал один человек, не они отдавали свои жизни, а наши враги. И чтобы крысы навсегда ушли с наших земель. И чтобы здесь ещё много-много лет жили бок о бок микмаки, акадцы и русские.

– Тогда, о друзья мои, идём в шалаш, где наши женщины приготовили нам скромный ужин. За ним и обсудим всё, что нам нужно будет сделать в ближайшее время.

11 сентября 1755 года. Форт Босежур

²⁰ «Да» на языке конестога.

*Подполковник армии Его величества короля Великобритании и Ирландии Георга II
Роберт Монктон*

– Мсье Пишон... – Я еле-еле сумел не скривиться при виде этого толстяка с кривой рожей записного пройдохи. Предатель, он везде предатель. Да, без него мы бы не взяли форт Босежур так быстро – именно он подсказал, где именно расположить артиллерию, откуда французы не ожидают нападения, где стоят какие части... Но он не нашёл ничего лучшего, чем похвастаться своими заслугами, и теперь дорога к французам ему заказана, и его ценность для нас под очень большим вопросом.

Но я нашёл в себе силу улыбнуться и соврать:

– Рад вас видеть.

– Мсье ле колонель²¹, – ответил тот с поклоном. – Вы знаете, у меня в Порт-ля-Жуа имеются свои люди.

– Не знал, – и я посмотрел на человека, прозванного Акадским Иудой, с несколько большим интересом. – Расскажите.

– Так вот. Седьмого числа в городок пришли корабли из Квебека. Прибыли какие-то вооружённые люди – около десятка людей, именующих себя русскими, и около двух рот то ли шотландцев, то ли ирландцев. А ещё какие-то индейцы.

– Русские, говоришь... – Я вспомнил, что именно про русских рассказывали после разгрома при какой-то Мононгахеле, недалеко от форта Дюкенъ. – Интересно, но их всего десяток?

– Или чуть больше – впрочем, как минимум парочка новоприбывших, вероятно, англичане. По крайней мере, русские общаются с ними именно на этом языке.

– Проклятые предатели, – вырвалось у меня. Пишон скривился, что меня, конечно, обрадовало, но вслух я лишь сказал:

– Я не про вас, я про них. Ну если этих всего, скажем даже, дюжина, плюс какие-то там шотландцы, то почему это должно меня заинтересовать?

– Потому, что первым делом они, во-первых, занялись устройством всех местных, особенно беженцев из Акадии.

– Ну и зачем им это? Всё равно мы рано или поздно заберём себе и остров Святого Иоанна, и Королевский остров.

– Вы совершенно правы, мсье ле колонель. Но есть и во-вторых. Русские объявили о приёме всех желающих – и французов, и индейцев – в некое новообразованное ополчение. Причём ходят слухи, что целью его является, ни много ни мало, освобождение то ли перешейка Шиньекто, то ли всей Акадии.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся я. – Сколько их, ты сказал? Не более дюжины? Плюс какое-то количество сброда то ли из Шотландии, то ли из Ирландии? Ну-ну.

– Но русские же помогли французам разгромить Брэдок у Мононгахелы, – осторожно заметил Иуда. – По крайней мере, об этом только и говорят в форте в последнее время.

– Так вот. Человек, которого лягушатники отпустили, рассказал, что этих русских было не менее роты, наверное, даже больше. Впрочем, Брэдок, упокой, Господи, его душу, совершил одну большую ошибку – он слишком полагался на колониалов.

– Но, мсье, у вас здесь менее трехсот солдат регулярной армии и свыше двух тысяч новоанглийского ополчения... И вы, тем не менее, победили при Босежуре – после чего форт Гаспаро сдался, а форт Менагуэш сожгли сами французы, когда поняли, что против вас у них

²¹ Господин полковник (*фр.*). Подполковников в английском войске обычно величают полковниками, ведь их полный титул – lieutenant colonel («лейтенант-полковник») длинноват.

нет шансов. И это несмотря на то, что почти вся ваша армия состоит из, как вы выразились, колониалов.

– Поговори тут ещё у меня. Сколько у тебя людей в Порт-ля-Жуа?

– Двое, мсье. Один из них записался в это ополчение, чтобы держать меня – нас – в курсе. Вторая... как бы это получше объяснить... представитель определённой профессии, и именно от неё я получаю самую ценную информацию. Есть и третий – он траппер, то появляется в Порт-ля-Жуа, то исчезает, но он – мой связной.

– Понятно. Ну что ж, Пишон, работай дальше. И держи меня в курсе.

Иуда вышел, а я подумал: «Как бы то ни было, бояться, как мне кажется, нечего. Разве что подойдут дополнительные силы и, в частности, основные силы русских – но это произойдёт нескоро. Так что до весеннего таяния льдов ничего не произойдёт».

15 сентября 1755 года. Восточная Акадия.

Жан Прюдомм, бывший рыбак, а ныне «лесной бегун»

С холма, именуемого горой Гаспаро, было хорошо видно пожарище на месте одноимённого села, ещё недавно славившегося разноцветными домами и церковью Святого Николая, покровителя рыбаков, чья стройная, как свечка, колокольня, окрашенная в синий цвет, казалось бы, тянулась к небу. Не горела лишь новая рыбацкая слобода по ту сторону реки Гаспаро – до неё отряд англичан-коллиалов пока ещё не добрался. Но я знал, что пройдет два-три часа, и дом, который я построил своими руками – вон он, на берегу реки, покрашенный дорогой красной краской, – вспыхнет, как свечка, а затем рухнет и превратится в грудку голо-вёшек. Видите, с другой стороны реки догорает длинное здание коптильни, одно из немногих, построенных из кирпича, а рядом с ним искрится то, что ещё полчаса назад было родительским домом.

Родился я в этом доме двадцать один год назад, в семье коптильщика Анри Прюдомма. Прюдоммов в нашем селении было много – кто выращивал пшеницу и ячмень, как мой кузен Мартен, кто, как другой мой кузен, Франсуа, возделывал виноградники – вон на тех террасах, с таким трудом когда-то врезанных в склон горы всей роднѐй. А мой старший брат, Андре, унаследовал семейную коптильню на берегу реки Гаспаро. Мы же с покойным Анри, моим младшим братом, названным в честь отца, ловили рыбу гаспаро, которую поставляли старшему брату. Надо сказать, что жили мы весьма неплохо – Андре был прижимистым с кем угодно, но не с братьями и не с роднѐй, и, кроме того, покупал рыбу у других только тогда, когда того, что поставляли мы, не хватало.

Осенью позапрошлого года мы с Анри пошли в залив – гаспаро приходит в реку лишь весной, а в остальное время года рыбачить приходилось в море. Время от времени мы видели английские корабли – они нас не трогали, а мы их хоть не слишком любили, но ничего поделаться не могли. И когда мы заметили английский фрегат,двигающийся по направлению к нам, мы подняли паруса, дабы уйти с его пути. Неожиданно на борту его расцвѐл цветок выстрела, ядро разбило наш ялик – и убило Анри. Меня же выловили англичане, но это было лишь началом моей эпопеи. Несколько дней подряд меня били, вопрошая, кого мы поджидали в заливе и какие сведения мы должны были передать людям «папистского священника Ле Лутра». Мои заверения в том, что мы всего лишь мирные рыбаки, их не интересовали. В конце концов мне объявили, что меня наутро повесят на рее, и оставили на палубе, привязав к мачте. Часового ко мне не приставили – мол, этот не убежит.

Разбудил меня ночной холод – в наших краях сентябрьские дни бывают тёплыми, но ночью нередко становится весьма прохладно. Не знаю уж, каким образом я смог распутать узел и на четвереньках добраться до борта. Помню ещё, что я вывалился через планширь и бултыхнулся в море.

Очнулся я абсолютно голым – я лежал у примитивного очага, в котором весело пылали дрова, а меня чем-то растирала весьма миловидная молодая индианка. А рядом сидел светло-волосый бородатый крепыш лет, наверное, тридцати. Увидев, что я открыл глаза, он произнёс с акцентом уроженца Бретани:

- Слава богу! А мы уже почти потеряли надежду...
- Где я?
- У друзей. Это, конечно, если англичане для вас – враги.
- Теперь – да.

Белый заговорил с индианкой на их языке. Меня поразило, сколь мелодичен был её голос, да и сама она была достаточно красива, хоть и непривычной для нас красотой. Через две минуты белый сказал мне:

- Как вы себя чувствуете?
- Слабовато, но говорить могу.
- Хорошо. Нагусет, – он показал глазами на индианку, – говорит, что вам необходимо поесть. Она приготовила бульон из оленины. А после обеда вы нам расскажете, кто вы и как вы оказались в море.

Выслушав мой рассказ, Жан-Батист – так, оказывается, звали белого – вздохнул и сказал:

- У англичан, судя по всему, была информация, что ночью в заливе должна была состояться встреча. И то, что они приняли вас за нас, спасло нам жизнь. Так что мы в долгу перед вами и перед вашим покойным братом. Но что хотите теперь делать вы?

- Вернуться в Гаспаро, наверное...
- Вы говорили англичанам, как вас зовут?
- Говорил...

Жан-Батист покачал головой:

- Жаль. Ну что ж, давайте сделаем так. Я отправлю в Гаспаро весточку, что вы живы, – и узнаю, что там происходит.

- Не могли бы вы доставить письмо моей невесте, Анн-Мари Тибодо?
- Можете послать ей то, что хотите сказать, на словах.

Вскоре мне принесли весьма неутешительные новости. Мой дом и всё, что мне принадлежало, конфисковали прибывшие накануне английские чиновники. За мою голову была объявлена награда – согласно Жану-Батисту (связного я не видел), «за живого или мёртвого». А от невесты мне всё-таки принесли письмо:

«Дорогой мой Жан. Рада, что ты жив, но ты же сам теперь понимаешь, что я за тебя выйти больше не могу. Да поможет тебе Бог! Анн-Мари».

Тогда я и спросил Жана-Батиста, могу ли я вступить в их ряды. Вскоре у меня появился свой отряд – два десятка французов и столько же микмаков, к которому то и дело присоединялись новые добровольцы. Воевали мы по всей Акадии, а пару раз даже заходили в Новую Англию, но домой я вернулся только сейчас, с тем, что осталось от моего отряда – дюжина французов и пятнадцать микмаков. И Нагусет – теперь её зовут Женевьевой. Вскоре после нашей первой встречи она согласилась стать моей женой, и нас обвенчал священник в небольшом селении Шедабукту далеко на востоке Акадии.

А теперь она беременна, и надо её будет куда-нибудь услать, чтобы с ней ничего не случилось. Но куда? Разве что в какую-нибудь деревню в глуши – кое-где они ещё остались, – но и их не сегодня, так завтра, сожгут, как мою Гаспаро. На один из островов – Руаяль либо Сен-Жан?²² Они ещё принадлежат Франции. Но надолго ли? Про микмаков я даже не думал

²² Королевский остров и остров Святого Иоанна.

– вполне возможно, что они выдадут мою любимую англичанам, ведь теперь большинство их племён думают лишь о том, как бы им не повторить нашу судьбу.

Связной, Аристид – фамилии я его не знал, как, впрочем, и он моей – появился, по своему обычаю, бесшумно. Откуда он только узнал, что я здесь... Мы обнялись, и он, как обычно, без обиняков начал рассказывать:

– Жан, на Иль Сен-Жан появились неизвестные доселе люди. Говорят, что какие-то русские. Я даже не знаю, кто это может быть и откуда...

– Русские?! Учил я про них в школе.

– Эх, школа... У моего отца денег на неё не было. Мало у кого было...

Я предпочёл не рассказывать, что у клана Прюдомм деньги как раз были, и что прадед когда-то лично выписал учителя из самого Парижа и основал школу. В моё время учителями работали бывшие ученики этой школы, но кое-какие знания мы от них получали. В том числе и по географии.

– Живут они где-то далеко на северо-востоке Европы – там, где сугробы чуть ли не круглый год. А вот что они делают здесь?

– Мне рассказали, что именно они помогли нашим разбить англичан далеко на западе, у форта Дюкенъ....

Это для меня было новостью. Так вот, наверное, почему англичане так озверели... А Аристид продолжал:

– А теперь они набирают ополчение и готовятся к боевым действиям.

– За своих или за наших?

– Говорят, что за наших.

– Сколько же их, этих русских?

– Немного, как я слышал. Но с ними – отряд шотландцев-добровольцев.

Ну что ж, подумал я. Если они помогли нашим победить при Дюкени, то попробовать можно – терять мне уже нечего.

– Где можно переправиться на Сен-Жан? Малагаш? Татамагуш?

– И там, и там англичане. Есть у меня один знакомый контрабандист недалеко от Пикту... Саму деревню постигла участь Гаспаро – но он всё ещё там, именно с ним я и вернулся на материк. Человек надёжный.

– Аристид, проведёшь нас к твоему контрабандисту. – И я пошёл к своим, чтобы отдать приказ о выдвижении.

Историческая справка:

Императрица Елизавета Петровна

Последняя русская на троне

Династия Романовых по мужской линии оборвалась в 1730 году после смерти в Москве внука Петра I и сына царевича Алексея Петровича, юного императора Петра II. На престол вступила племянница Петра I царица Анна Иоанновна – хотя была жива младшая дочь Петра, царевна Елизавета.

Но высшие сановники Российской империи решили, что Анна окажется более покладистой, и ограничили ее права «кондициями». Они ошиблись – вступившая на трон императрица вскоре порвала «кондиции» и стала править самодержавно и жестоко. А наследовать ей должен был ребенок, рожденный от брака племянницы Анны Иоанновны, 21-летней Анны Леопольдовны, и герцога Брауншвейгского Антона-Ульриха. На момент смерти императрицы Анны Иоанновны младенцу-императору было всего два месяца. Вполне

естественно, что сам он править не мог, и вместо него Российской империей управлял сначала бывший фаворит Анны Иоанновны герцог Курляндии Бирон, а потом мать императора-младенца правительница Анна Леопольдовна. О «дщери Петровой» Елизавете Петровне все как бы забыли. А зря.

«Веселая царевна»

Елизавета Петровна родилась 18 декабря 1709 года в селе Коломенском под Москвой. Произошло это в тот самый день, когда ее отец Петр I должен был въехать в Москву, желая торжественно отметить свою блестящую победу над шведским королем Карлом XII под Полтавой. Когда Петру сообщили о рождении дочери, он, обрадованный, сказал: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот мир мою дочь!»

Тогда Петр еще не состоял в законном браке с Мартой Скавронской, после перехода в православие ставшей Екатериной Алексеевной. Поэтому Елизавета считалась внебрачной дочерью императора. Впрочем, через два года, перед выступлением в несчастливый для себя Прутский поход Петр все же обвенчался с Екатериной, и Елизавета стала считаться «привенчанной», то есть законной дочерью царя.

Уже смолodu Елизавета отличалась красотой и живостью характера. По мнению французского посланника Леви, Елизавету можно было бы считать совершенной красавицей, если бы не ее рыжеватые волосы и курносый нос. Зная об этом, Елизавета, став императрицей, категорически запрещала художникам рисовать ее в профиль.

Царевна любила танцы, веселие, развлечения. Но, в отличие от своего отца, неутомимого труженика, она была чрезвычайно ленива и прохладна к учебе. Систематического образования Елизавета так и не получила. До конца дней своих она отказывалась верить в то, что Британия – это государство, расположенное на острове. Впрочем, родители не особо обращали внимание на образование дочери. С точки зрения Петра, женщинам оно было без надобности.

Вечная невеста

Но все же Елизавета неплохо знала французский – язык, на котором разговаривали европейские дворяне. Была и еще одна причина, по которой Петр поощрял Елизавету к изучению французского языка. Он хотел выдать дочь за ее ровесника, короля Франции Людовика XV, или за герцога Орлеанского. Однако Бурбоны не захотели породниться с Романовыми из-за незнатного происхождения матери Елизаветы. Напомним, что родители Марты Скавронской были крепостными.

Но сама Елизавета не особенно огорчилась тем, что ее брак с французскими принцами не состоялся. После смерти отца и матери она все свое свободное время проводила на балах и на охоте, забыв, казалось, о своих правах на российский престол. У нее сложились дружеские отношения со своим племянником, юным императором Петром II. Они были настолько дружескими, что поговаривали даже об их возможном браке. Но разница в возрасте – Елизавета была на шесть лет старше – и то, что она была теткой

своему предполагаемому мужу, заставили их отказаться от этого выгодного во всех отношениях плана.

Елизавету еще дважды пытались выдать замуж. Первый ее вероятный жених, принц Мориц Саксонский, не понравился всесильному фавориту ее матери князю Александру Меншикову и был им отвергнут. А герцог Карл-Август Голштинский приехал в Петербург свататься к Елизавете. Но до брака дело не дошло, потому что жених скоропостижно скончался.

После смерти племянника, императора Петра II, российский трон заняла кузина Елизаветы Анна Иоанновна. «Дочь Петра» оказалась в полуопале. Она получала из казны мизерное содержание, одевалась в скромные платья и потому редко появлялась на дворцовых празднествах. Но у нее стал складываться свой «малый двор» из людей не знатных, но умных и энергичных. Среди них были: лейб-медик Жан Лесток, камер-юнкеры Михаил Воронцов и Петр Шувалов.

Проживала Елизавета вдали от двора своей коронованной кузины в районе Смольного двора, где еще при Петре I был для неё построен небольшой деревянный дворец. Неподалеку от Смольного двора располагался лейб-гвардии Преображенский полк. С его офицерами и солдатами Елизавета поддерживала хорошие отношения, соглашалась быть крестной матерью у гвардейцев. Все это ей позднее пригодилось.

Корона или кlobук?

Если Елизавета кое-как, но ладилась со своей двоюродной сестрой Анной Иоанновной, то с регентшей Анной Леопольдовной, точнее, с фактическим правителем России канцлером Остерманом, ей поладить было трудно.

Все чаще и чаще в Петербурге среди высшей знати шли разговоры о том, чтобы заменить императора-младенца дочерью Петра Великого. До поры до времени Елизавета не реагировала на эти разговоры, опасаясь за свою жизнь и свободу.

Но вскоре к зарождающемуся заговору подключился шведский посланник Нолькен. Швеция готова была помочь Елизавете, за что та должна была вернуть Швеции земли, перешедшие к России по Ништадтскому миру. Елизавета, однако, приняв помощь от шведов, никаких твердых обещаний им не дала.

Елизавета все еще колебалась, но Остерман, желая избавиться от нее, решил выдать Елизавету за герцога Людовика Брауншвейгского, а в случае отказа царевны заставить ее уйти в монастырь. Елизавета не желала замуж за герцога – к тому времени у нее уже был тайный муж, бывший пастух из малороссийского села Лемеша под Черниговом, Алексей Разумовский. Ну а в монастырь жизнелюбивой царевне идти совсем не хотелось.

К тому времени Швеция, желая оказать давление на Россию, объявила ей войну. Гвардейский Преображенский полк, в котором было много сторонников Елизаветы, собирались отправить на фронт. Елизавета могла лишиться реальной вооруженной силы, которая могла бы совершить переворот.

Последним толчком к действию для царевны стали картинки, которые показал ей лейб-медик француз Лесток. На них была нарисована Елизавета на

троне и Елизавета в монашеском одеянии, а внизу надпись: «Выбирайте». И Елизавета сделала выбор.

Бескровный переворот

Царевна, которая была человеком глубоко верующим, долго молилась перед иконой Божьей Матери об успехе переворота. Поговаривают, что именно тогда она и дала обет: во время своего царствования не подписать ни одного смертного приговора. И она сдержала слово – за почти двадцать лет ее правления в России никто не был казнен. Она также заставила поклясться своих приверженцев в том, что в ходе переворота не будет пролито ни капли крови.

Елизавета надела кавалерийскую кирасу, села в сани и по темным улицам столицы Российской империи отправилась напрямик в казармы Преображенского полка. Там она обратилась к солдатам со словами: «Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной». Гвардейцы отвечали: «Матушка, мы готовы». Елизавета взяла крест, встала на колени, а за нею и все присутствующие, и сказала: «Клянусь умереть за вас, клянетесь ли вы умереть за меня?» – «Клянемся!!!» – ответили преображенцы.

На Адмиралтейской площади Елизавета вышла из саней и в сопровождении трехсот солдат направилась к Зимнему дворцу. Царевна с трудом шла по глубокому снегу. Здоровенные преображенцы, сжалившись над ней, подхватили Елизавету на свои могучие плечи и внесли ее в Зимний. Караул сразу же перешел на сторону Елизаветы. Писали, что, ворвавшись в спальню правительницы Анны Леопольдовны, Елизавета произнесла: «Сестрица, пора вставать!»

Был «арестован» и младенец-император. Гвардейцы принесли его Елизавете. С ребенком на руках Елизавета, ставшая наконец царицей, поехала в свой дворец. Вернувшись домой, она направила во все концы города гренадер, в первую очередь в места расположения войск, откуда они привезли новой государыне полковые знамена.

Наутро после переворота был обнародован манифест, в котором говорилось лишь об узурпации власти иностранцами, а о появлении новой императрицы не упоминалось, так как Елизавета опасалась реакции сторонников Анны Леопольдовны, которые были и при дворе, и в среде аристократии. Русское общество, не привыкшее к женскому правлению, успело устать от него, поэтому многих удовлетворял император, пусть даже малолетний и нерусский по крови, а не императрица, дочь Петра.

Манифест же о восшествии на престол Елизаветы был провозглашен только 28 ноября. Министры правительницы Анны Леопольдовны были сосланы в Сибирь, хотя сначала их приговорили к смертной казни, но уже на эшафоте им объявили о помиловании.

Коронованная барыня

Хорошей или плохой царицей была Елизавета Петровна? На сей счет существует немало разных мнений. Большинство склоняется к тому, что правление «дщери Петровой» было «золотым веком России». Действительно, при ней была закончена война со Швецией, которая началась еще при

правительнице Анне Леопольдовне. Кстати, Елизавета, получившая перед переворотом немалую денежную помощь от шведского посланника Нолькена, став императрицей, отказалась от всех своих обещаний и добилась того, что шведы подтвердили все статьи Ништадтского мирного договора и уступили России часть территории Финляндии.

Во времена императрицы Елизаветы Петровны Россия приняла участие в Семилетней войне, в ходе которой был разбит доселе непобедимый король Пруссии Фридрих II и занята Восточная Пруссия. Здесь впервые проявили себя будущие великие полководцы Румянцев и Суворов.

Во времена Елизаветы Петровны жили и творили великий русский ученый Ломоносов, архитектор Растрелли, поэты Сумароков и Тредиаковский, создатель русского театра Федор Волков.

А что же Елизавета? Насколько велик ее личный вклад во все это? Если сказать честно, то правительницей она была никудышной. По большому счету Елизавета была типичной русской барыней, которую в первую очередь интересовали развлечения, наряды и удовольствия. Лень ее была феноменальной. Случалось, что, подписывая важнейший государственный документ, она выводила пером первую часть своего имени «Ели...», а его вторую часть «...завета» дописывала лишь через полгода.

Но у нее хватило ума подобрать талантливых государственных деятелей, которые фактически руководили всеми делами Российской империи, и не вмешиваться в их работу. Что ж, возможно, в этом и заключается талант правителя огромной страны.

Умерла последняя русская императрица 5 января 1762 года. После нее на Российский престол взошла Гольштейн-Готторпская династия, которую по привычке называли в России династией Романовых.

Лейб-кампания

Из участников переворота, ворвавшихся в Зимний дворец и арестовавших правительницу Анну Леопольдовну и ее мужа, Елизавета создала суперэлитное подразделение, получившее название Лейб-кампании. Всего лейб-кампанцев было 364 человека. Командиром (капитаном) этой роты стала сама императрица, поручиками – граф Алексей Разумовский и Михаил Воронцов. При этом поручик Лейб-кампании был приравнен к чину армейского генерал-лейтенанта, а прапорщик – к армейскому полковнику. Сержант Лейб-кампании – к подполковнику, капрал – к армейскому капитану, а рядовой – к поручику.

Все лейб-кампанцы получили потомственное дворянство и гербы. В 1749 году для размещения Лейб-кампании был отведен Зимний дворец Петра I. Он находился на месте современного Эрмитажного театра. Все содержание на Лейб-кампанию отпускалось из придворной конторы. Во время коронаций и при других торжественных случаях лейб-кампанцы надевали кавалергардские мундиры и несли придворную службу кавалергардов.

4 (15) сентября 1755 года.

Российская империя, Санкт-Петербург

Вице-канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов

Для приватной беседы я предложил Ивану Ивановичу Шувалову встретиться в таком месте, где нас не могли подслушать клеветы моего личного врага канцлера Бестужева. Этот мерзавец старательно собирал слухи и сплетни о честных и верных слугах ее императорского величества, а потом ловко подсовывал их государыне. Немало людей пострадало от этого. Среди попавших в немилость императрицы были и те, кого Бестужев называл своими друзьями. Ну, прямо как Иуда Искарот с его поцелуем в Гефсиманском саду.

Правда, против Шувалова Бестужев пока ничего не может сделать. Ведь Ивана Ивановича недаром называют «ночным императором». Но это пока. Ведь на что силен был Жан Лесток – цесаревна Елизавета считала его своим душевным приятелем, а Бестужев поначалу вертелся вокруг француза, как кот вокруг блюдца со сметаной. А потом собрал все свои кляузы, да и выложил перед царицей. И загремел Жано прямоком в Тайную канцелярию на дыбу. Слава богу, что императрица наша Елизавета Петровна поклялась, что не подпишет в свое царствие ни одного смертного приговора. И вместо плахи ждала Лестока ссылка в Великий Устюг. Там он и сейчас сидит, дрожа как лист осины, боясь, что про него при дворе кто-то вспомнит.

Так что от греха подальше мы решили переговорить с Иваном Шуваловым в доме его старого приятеля профессора Академии наук Михаила Ломоносова. Тот жил на Васильевском острове в квартире из пяти комнат, которую Академия предоставила ему и его семье. Дом, ранее принадлежавший генералу Бону, был одноэтажный, с каменным фундаментом и деревянными стенами.

Иван Шувалов, любитель ученых и меценат, сейчас вместе с профессором Ломоносовым занимался созданием университета в Первопрестольной. Потому визит «ночного императора» к своему ученому другу не должен был никого удивить или насторожить. Ну, а я, как приятель Шувалова, из любопытства решил его сопроводить к профессору, который после скандала в Академии сейчас находился вроде бы как не у дел.

Разговор наш должен был пойти о событиях, которые произошли в Новом Свете. А случились там дела весьма непонятные, как следовало из депеши, которую переслали из Франции мои доверенные люди. Какие-то русские, причем военные, с невиданным доселе оружием, выступили вместе с французами против английских солдат и вооруженных колонистов. Кто эти русские и откуда они там взялись, никто не знает. Известно лишь, что вояки они изрядные.

То, что в Новом Свете давно уже идет война между подданными короля Людовика и подданными короля Георга, мне было хорошо известно. Как и то, что, по моему разумению, война пренебреженно из Америки перекинется в Европу. Я опасался, что происками канцлера Бестужева и Россия окажется втянута в эту войну. А мне этого совершенно не хотелось. Зачем подданным нашей императрицы зазря проливать кровь? И самое главное – ради чего?

Именно поэтому нелишне было посоветоваться с Иваном Шуваловым. Ведь если мои доводы не доходят до Бестужева, то те же слова, сказанные «ночным императором» государыне нашей Елизавете Петровне, могут убедить ее не влезать в европейскую свару. Тем более что Российской империи ничто не угрожает. Если Австрия и Пруссия никак не могут решить, кто из них главный среди германских герцогств и курфюрств, то это еще не повод отправлять русские войска на помощь той же Австрии только потому, что канцлер Бестужев получает из Вены щедрый пансион.

Так что дела заморские меня заинтересовали. И особенно эти самые таинственные русские. У меня был свой человек в Новой Франции. Немец Михель Крамер ссужал меня деньгами еще тогда, когда я был камер-юнкером цесаревны. Потом, когда Елизавета Петровна взошла на престол и я был осыпан ее милостями, я сторицей вознаградил Крамера, сделав его моим доверенным лицом.

Михель оказался умным и верным человеком. Он выполнил несколько моих деликатных поручений, за что получил достойную награду. Но как-то раз он признался мне, что делает все это не только ради денег.

– Ваше сиятельство, я полюбил Россию. Эта страна мне стала не менее дорога, чем моя родная Вестфалия. И если я буду нужен вашей стране и вам, граф, то вы полностью можете рассчитывать на скромного немецкого негоцианта Михеля Крамера.

На днях я получил от Крамера весточку, которую тот переслал мне через шкипера гамбургского торгового корабля, пришедшего из Квебека. Правда, я толком не понял, о чем в ней идет речь. Крамер обещал в самое ближайшее время прислать мне новое донесение, в котором более подробно расскажет обо всем.

Но о том, что мне сообщил Крамер, я рассказывать Шувалову не буду. А вот о депеше из Парижа расскажу пренебреженно...

*17 сентября 1755 года. Порт-ля-Жуа, заведение мадам Констанс
Селест, сотрудница заведения, настоящее имя Анн-Мари Тибодо*

Неплохой попался мужчина – оставил мне целую монету в пол-экю! Обычно я получала хорошо если восьмушку²³, а то и пару-тройку монет по одному-два су²⁴... И оставил мне он эту сумму серебром, а не картами²⁵. А деньги мне нужны... Конечно, живем мы за бесплатно, кормимся тоже, да и рабочее «место» нам предоставляет мадам Констанс – зато она и забирает всю оплату, а нам перепадают лишь чаевые. Есть у меня и второй источник доходов, но о нем мадам Констанс ничего не знает...

Я убрала монетку в потайное место в шкафу, чуть сполоснулась над тазиком, затем окинула простынь критическим взглядом и решила, что на еще одного клиента её хватит. Приоткрыв дверь, я крикнула:

– Следующий!

При виде вошедшего у меня душа ушла в пятки. Реми был связным от мсье Пишона, и мне предстояло выложить ему все, что я узнала за последние дни. Да, и получить свое «жалованье» – здесь я могла быть уверена, что он выплатит мне все до последнего денье²⁶. Но этот ублюдок любил надо мной поизмываться – после его визита на моем теле опять появятся синяки и царапины, а место, не предназначенное для занятий любовью, вновь будет болеть и кровоточить. Когда я в первый раз попробовала возмутиться, он сделал это насильно, а потом мадам Констанс наорала на меня – мол, клиент заплатил за это отдельно. Впрочем, она с тех пор каждый раз выплачивает мне дополнительное вознаграждение за каждое подобное надругательство – целых два су, необыкновенная щедрость! Кстати, у меня иногда складывается впечатление, что Реми – содомит, ведь он ни разу не захотел делать это так, как положено по человеческим и божественным законам.

А как попала дочь зажиточного мельника из Гаспаро в подобное заведение? Началось все в тот злосчастный день, когда было объявлено, что мой жених, Жан Прюдомм, оказался преступником, его имущество конфисковано в пользу королевской казны, а за его голову назначена награда. Конечно, английский бейлиф объявил, что преступник, скорее всего, уже мертв...

А потом мне сообщили, что Жан жив и все еще меня любит – и что то, что произошло – не более чем недоразумение. Но я подумала – зачем он мне? Это раньше у него была своя парусная

²³ 1/8 экю.

²⁴ Один экю соответствовал шести ливрам или ста двадцати су, монеты в один ливр не было.

²⁵ В Новой Франции ходили «деньги-карты» – либо картонки, либо настоящие игральные карты с вписанной на них суммой; как обычно в таких случаях, они стоили намного меньше номинала.

²⁶ Один денье – одна двенадцатая су, монет в один денье не существовало, ходили монеты в три (лиар) и шесть денье.

лодка, дом, который он покрасил в красный цвет по моей просьбе, и, главное, он принадлежал к клану Прюдомм, одному из самых богатых в Гаспаро и окрестностях. Моя старшая сестра, Прюданс, замужем за старшим братом Жана и живет припеваючи. Или жила – я слышала краем уха, что англичане недавно выгнали всех французов из Гаспаро, а мужа Прюданс – уже не помню, как его зовут или звали – расстреляли, как и многих других. Так им и надо – после того, как я ей сдуру рассказала, что я написала Жану, она перестала со мною общаться – зато об этом узнал весь поселок. И парни, ранее заинтересованные в женитьбе на мне, больше не делали мне предложений.

А ведь раньше я считалась завидной невестой – и не только потому, что отец давал за меня землю у реки, чуть ниже по течению. Внешность у меня такая, какую местные любят – огромная грудь, рыжая шевелюра, дородность, да и на лицо я не уродина. Была не уродиной – сейчас, когда я порой смотрю в небольшое зеркальце, которое мы получаем каждое утро, чтобы привести себя в порядок, мне совсем не нравится то, что я в нем вижу.

Тогда же в дома, где ранее жили Жан и его брат, въехали английские солдаты. С одним из них у меня начались амуры, что крайне не нравилось моему отцу. А потом было объявлено, что замуж выходит моя младшая сестра, и землю, предназначенную мне, отец передал ей в приданое. Тогда я разозлилась и ушла к Джону. Смешно, правда? Был Жан, стал Джон.

Вот только Джон оказался порядочной сволочью. Той же ночью он меня напоил, после чего мною воспользовались и он, и его дружки. А на следующее утро он мне сказал на своем ломаном французском:

– Ты никому не понравилась. Уходи.

Но в городе об этом он раструбил – и мне ничего не оставалось, как уйти далеко-далеко. Так я и оказалась у английского форта Лоуренс, находившегося по ту сторону реки Бобассен. Средств на пропитание у меня не было – отец поклялся, что я не увижу больше ни единого су. А голод, как известно, выгоняет волка из леса²⁷. И я ушла в заведение мадам Мирей. И оказалось, что я как нельзя лучше приспособлена к подобной деятельности – ведь я и тогда не забеременела, и с тех пор ни разу не зачала ребенка, да и срамные болезни всегда обходили меня стороной.

Одним из моих первых клиентов стал Тома Пишон – француз, как и я, но лицом больше всего похожий на жабу. После третьего или четвертого визита он мне сказал, что отправляется в Порт-ля-Жуа, и предложил поехать с ним. Я было обрадовалась, но он добавил:

– Есть там заведение мадам Констанс, ты могла бы перейти к ней. Я ее знаю и замолвлю словечко.

– А какой мне в этом интерес?

– Я тебе буду платить за любую информацию про то, что там происходит – особенно если это касается военных дел.

И назвал мне весьма неплохую сумму. Должна сказать, что он ни разу меня не обманул – деньги сначала привозил он сам, а потом стал приезжать этот проклятый Реми. И, несмотря на заработок, я ждала его следующего визита с ужасом.

Так и сейчас – прежде чем мы перешли к делу, он сделал со мной все, что хотел, а потом только начал меня расспрашивать о русских. Знала я мало – ни один из них не пользовался услугами заведения мадам Констанс, и отнюдь не из-за конкуренции – таковой в Порт-ля-Жуа попросту не было. Все, что я узнала, было получено мной от местных чиновников и от тех, кто записался в ополчение. Я боялась, что Реми разозлится на меня – синяки на груди и животе и то самое место у меня болели, и сильно, а если он еще покуражится... Но он повеселел и даже меня похвалил, а затем (впервые!) выдал мне карту в целый экю.

²⁷ La faim chasse le loup du bois – французский эквивалент русской поговорки «голод не тётка».

– Будешь получать по столько сверх того, что ты уже получаешь, если узнаешь больше. Я вернусь через три-четыре недели.

– Тогда уж целый деми-луи²⁸, и непременно золотом.

Реми с удивлением и, как мне показалось, с неожиданным уважением посмотрел на меня.

– Если информация будет этого стоить, хорошо, получишь деми-луи. Или даже целый луидор. Золотом, как ты и сказала.

И удалился, даже не настояв на «добавке», как это обычно бывало.

7 (18) сентября 1755 года.

Российская империя, Санкт-Петербург

Вице-канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов

Профессор Ломоносов жил на Васильевском острове в доме, расположенном неподалеку от порта. Мне вспомнилось вдруг одно происшествие, не так давно случившееся с Михаилом Васильевичем. Возвращался он как-то раз домой уже в сумерках. И тут, как на грех, на него решили напасть трое матросов. Видимо, они пропили свои деньги в здешних кабаках и решили раздобыть еще хоть что-то на зелье окающее. Матросики захотели раздеть припозднившегося путника. Но они не на того нарвались.

Стать у профессора была богатырская, да и силушкой его Господь не обидел. Да и драться он был привычен. В общем, одного из нападавших он уложил могучим ударом кулака, да так, что тот нескоро очухался. Второй с разбитой в кровь мордой сбежал с поля боя. А третьего Ломоносов раздел до исподнего и прогнал прочь пинками. После этого случая даже самые отчаянные грабители не рисковали связываться с профессором Академии и знатным пиитом. А государыня, узнав о приключениях Ломоносова, долго смеялась, подшучивая над генерал-полицмейстером Алексеем Даниловичем Татищевым. Дескать, ему следует пригласить профессора на службу в петербургскую полицию, тогда всем злодеям в столице станет тошно-хонько.

Жил Михаил Васильевич в квартире из пяти комнат. Здесь же, во дворе дома, была построена химическая лаборатория, где Ломоносов проводил опыты со смальтой для своих мозаик. Вместе с ним в доме проживала супруга Михаила Васильевича, Елизавета, урожденная Цильх. Ломоносов взял ее в жены во время своего обучения в Марбурге. К сожалению, сын Иван и дочь Елизавета, родившиеся у него в Германии, умерли в младенчестве. И радовала Михаила Васильевича лишь младшая дочь, шестилетняя Елена. Девочка была веселой и озорной. Отец любил девочку и баловал ее.

В доме Ломоносова нас с Иваном Ивановичем Шуваловым встретили сам хозяин и его супруга. Поняв, что мы пришли к нему с серьезным разговором, Ломоносов пригласил нас пройти в его кабинет, где можно было без помех побеседовать о наших делах.

Так как речь должна была пойти о том, что происходило в далеких от России краях, мне пришлось первому изложить сведения, полученные от верных людей из Новой Франции. Ломоносов удивленно качал головой, услышав о неких русских, которые невесть откуда объявились на границе французских и британских колониальных владений и с ходу вступили в схватку с подданными короля Георга.

– Занятно, занятно, – пробормотал Ломоносов, задумчиво почесывая подбородок. – Ведь не далее как позавчера, я подал на имя нашей государыни записку, озаглавленную «О Северном ходе в Индию». В ней я упомянул о том, что португалец Мельгер еще в 1660 году якобы прошел Ледовитым океаном из Тихого океана до самой Португалии. Так это было или нет, сейчас уже с достоверностью установить невозможно. Но я все же написал, что «расположение островов,

²⁸ Пол-луидора – золотая монета, соответствовавшая двум экю.

между Америкой и Камчаткой и Чукотскими берегами лежащих... служит нашему главному делу».

– А о каком таком «главном деле» вы написали? – с любопытством поинтересовался Шувалов.

– Под «главным делом», любезный Иван Иванович, – ответил Ломоносов, – я подразумеваю продолжение колонизации западного побережья Северной Америки. Ведь мы, после плавания покойного Витуса Беринга, да упокоит Господь его душу, – Михаил Васильевич тяжело вздохнул и перекрестился, – презрели заветы государя нашего, Петра Алексеевича, и забыли о плаваниях на наших рубежах далеко на Востоке. А зря...

– А зачем нам эти земли далекие? – спросил я. – Ведь мы и Сибирь-то освоить все никак не можем. Где мы людей возьмем? Да и с деньгами в государстве нашем, Богом спасаемом, всегда было плохо.

– Сибирь, граф, – Ломоносов нахмурился и строго посмотрел на меня, – это наше богатство, о котором мы даже еще и не подозреваем. Господа, вы же прекрасно знаете, что порой для приобретения малого лоскута земли в Европе посылают на смерть целые армии. А там, далеко на востоке, куда еще не добрались французы и англичане, приобрести можно целые земли в новых частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для большего просвещения всего человеческого роду. Что же касается Сибири... Она уже давно наша, еще со времен царя Ивана Васильевича Грозного. А за Сибирью Камчатка, острова Курильские. На этих островах можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не смогут ничего сделать прочие европейские державы. Таким образом путь и надежда для чужих нам народов пресечется, российское же могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке.

Ломоносов говорил эти слова с волнением, лицо его размянулось, глаза сверкали.

«Да, этот человек может быть весьма полезен нашему Отечеству! – подумал я. – Эх, почему многие у нас на виду и в почете разные болтуны и прожектеры, и почему такие люди, как Ломоносов, не в чести у властей предрежащих?»

– Да, уважаемый Михаил Васильевич, вы, конечно, правы, – покачав головой произнес Шувалов, – но нам сообщили о русских, которые находятся не на землях на Тихом океане, ныне никем не заселённых либо даже не открытых, а во владениях французского короля Людовика XV. Пока еще во владениях... Только, как мне кажется, скоро их отберут у французов британцы. Ведь война между ними уже началась. В чем тут для нас польза?

– Как мне сообщил мой человек из Квебека, – сказал я, – русские, которые воюют на стороне французов, весьма храбрые и умелые воины. Они смогли разбить целую армию, которую возглавлял британский генерал. Если так дальше пойдет, то англичанам вряд ли удастся отобрать у короля Людовика Новую Францию.

– Так что же нам теперь делать? – поинтересовался Шувалов. – Ведь вы знаете, что канцлер Бестужев больше благосклонен к англичанам, чем к французам.

– Да, это так, – согласился я. – Только канцлер Бестужев – слуга нашей государыни Елизаветы Петровны. И решать, на чьей стороне быть России – ей, а не Бестужеву.

И я многозначительно посмотрел на Шувалова...

19 сентября 1755 года. Квебек

Кузьма Новиков, он же Онюнтио, кузнец и представитель русских в Новой Франции

Я спросил у Жерома, как мне лучше всего передать весточку Хасу, и можно ли доверять местной почтовой службе. Тот лишь засмеялся и покачал головой:

– Можно, конечно, вот только неизвестно, когда твое письмо дойдет, да и дойдет ли оно вообще. Лучше передай его мне в запечатанном виде – у нас есть своя, купеческая почта, которая работает намного лучше. Завтра с утра в Порт-ля-Жуа уходят несколько кораблей, так что адресат получит твое письмо не позже, чем за десять дней – скорее, намного быстрее. И не прочтает его никто – у нас с этим строго...

– Да пусть прочитают – здесь вряд ли кто-либо знает русский, – усмехнулся я и подумал неожиданно: а ведь если Крамер знает наш язык, то, вполне может быть, что он не один такой в этих краях... Именно поэтому я зашифровал содержимое шифром, оговоренным с моими русскими друзьями. Был он весьма прост – и у меня, и у них был список букв, которыми нужно было заменить имеющиеся. «Конечно, это очень просто, – сказал мне тогда Леонид, – но вряд ли у них есть опыт расшифровки даже таких простых кодов, да и язык здесь мало кто знает».

А с обратной связью было проще. Перед уходом моих друзей Жером передал им шесть пар почтовых голубей – посылали их всегда парами в надежде, что хоть один из них долетит до Квебека. Долетели на сей раз оба – с разницей в несколько минут.

Хас прислал мне в ответ инструкции, в которых говорилось следующее. С Крамером мне надлежало и далее встречаться, но ничего ему прямо не говорить. Дескать, мне удалось кое-что узнать про тех русских, которые намяли бока англичанам, и даже передать им слова Крамера. А те велели сказать, что зимой в Квебек приедет самый главный из русских, и с ним тогда пусть посланник царицы и разговаривает. А я – просто сверчок, который знает свой шесток.

Я так все и сказал Крамеру во время следующей встречи. Не хочу сказать, что ему понравился мой ответ, но виду он не подал. Человек он был терпеливый и спокойный, как все немцы, хотя жизнь в Петербурге сделала его немного похожим на русского. К примеру, из всех напитков он предпочитал не пиво, а здешнее хмельное зелье – виски. Конечно, вполне может быть, что он просто хотел подпоить меня и выведать то, что я знаю, но не хочу ему рассказывать. Но я за время жизни у индейцев поотвык от крепких напитков, и потому был Крамеру в этом деле плохим помощником.

– Ну что ж, мой друг, – сказал он со вздохом, – если надо, то я подожду, когда в Квебек приедет этот самый главный, тем более что в это время года уже несколько поздновато что-либо отправлять через океан. Только господин вице-канцлер очень хотел бы узнать точно – друзьями России будут эти русские или нет. Герр Воронцов – человек знатный, и императрица ему благоволит.

– Это какой Воронцов? – спросил я. – Его случаем не Михаилом зовут?

Крамер, услышав мои слова, удивленно уставился на меня.

– А вы что, господин Новиков, знакомы с графом Михаилом Илларионовичем Воронцовым? Как такое могло случиться?

Теперь и я удивился. Ведь надо ж такому случиться – юноша хотя и из знатных, но бедных помещиков, служивший при дворе великой княжны Елизаветы Петровны камер-юнкером, стал вице-канцлером и графом! Я хорошо помнил его – парень он был смысленый и ловкий. Он знал о наших с цесаревной отношениях. Знал, но помалкивал. А вот кто-то не удержался и поспешил донести обо всем царице Анне Иоанновне.

Крамер, заметив, что я смутился, внимательно посмотрел на меня.

– Мой друг, я вижу, что вы не такой уж простой человек, как стараетесь казаться. Эх, хотел бы я, чтобы вы доверились мне и рассказали о себе поподробнее. Тогда нам будет легче дальше вести беседу.

– Извините, герр Крамер, – ответил я. – Мы с вами еще недостаточно хорошо знакомы. И потому я не могу вот так все сразу вам рассказать. Когда настанет подходящий момент, вы узнаете мою историю, которая, смею надеяться, весьма вас удивит. К тому же, как мне кажется, и вы не просто купец, а лицо, занимающееся государственными делами. И потому вы поймете меня...

Крамер задумчиво покачал головой. Немного помолчав, он стал рассказывать мне о том, что сейчас происходит в Европе. Там, похоже, вот-вот должна начаться война.

– Молодой прусский король Фридрих, – сказал немец, – пятнадцать лет назад, узнав, что умер император Карл VI – последний мужчина из династии Габсбургов, – решил увеличить свои владения за счет Австрии и напал на Силезию. В сражении при Мольтвице он разбил армию фельдмаршала Нейперга и впервые показал всему миру, на что способна прусская армия, руководимая талантливым полководцем. А именно таким и оказался король Фридрих. Сама же война продолжалась до начала 1745 года, когда в Дрездене был подписан мир, по которому Австрия отдала Силезию Пруссии. А вот война Франции с Англией продолжалась до 1748 года, причем противники сражались друг с другом на суше и на море.

– А Россия не участвовала в этой войне? – спросил я.

– Россия приняла сторону Австрии, – ответил Крамер, – но сразиться с прусским королем ей так и не удалось. Когда русское вспомогательное войско в 1747 году двинулось к Рейну, чтобы вступить в бой с французами, король Людовик XV решил закончить войну и подписал мир с англичанами.

– Здесь французы и англичане тоже воевали, – вздохнул я. – Было это десять лет назад. Я слышал, что британцы захватили французскую крепость Луисбург, а французы в отместку вместе с союзными им индейцами сожгли английский поселок Саратога. Сколько крови пролилось, сколько людей было убито...

Я вздохнул. Крамер внимательно посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом он попрощался со мной, сославшись на какие-то свои торговые дела. А я задумался над тем, что он мне рассказал. Похоже, что, убегая от одной войны, мы попадем в Старом Свете в другую. И на этот раз России тоже придется в ней участвовать. Хотя кто его знает? Надо будет переговорить еще раз с Хасом. Может быть, люди из будущего смогут сделать так, чтобы русская кровь не лилась зря...

Ночь с 19 на 20 сентября 1755 года.

Бухта Прим, остров Святого Иоанна

Лейтенант Аластер Фрейзер, командующий Шотландским легионом

Уже не знаю, почему я выбрал именно эту бухточку, находившуюся примерно в десяти километрах – да, мы уже перешли на русские меры длины – к востоку от пролива де-ля-Жуа, ведущего в глубь острова. Именно на этом проливе, на западном его берегу, и располагается местная «столица» – Порт-ля-Жуа.

Обыкновенно корабли приходят именно туда – если это не те, кто не хочет, чтобы об их вояже стало известно. До недавнего времени это были контрабандисты, доставлявшие товары из Восточной Акадии, захваченной англичанами, – как мне рассказали, в основном ткани, выделанную кожу, а иногда и охотничьи ружья. А отсюда везли главным образом предметы роскоши из метрополии – в первую очередь вина, а также французскую мебель. Вообще-то торговля с англичанами была запрещена, но велась она с теми же французами, попавшими под власть королевы Анны – а теперь и короля Георга, – более сорока лет назад, и на это обыкновенно закрывали глаза.

Но теперь французов там почти не осталось – сначала им позволяли отправиться восвояси в относительном комфорте, на пароме, которым дозволялось пришвартоваться в портах Татамагуш и Малагаш, находившихся в общем-то напротив Порт-ля-Жуа, а оттуда кто уходил в Квебек, кто в Западную Акадию, а кто и в метрополию. Недавно, после взятия форта на перешейке, ручеек беженцев превратился в бурный поток, и многим пришлось оставаться здесь, на острове Святого Иоанна – перевозчики стали требовать с пассажиров столько, что мало кто мог себе это позволить.

Но около полутора недель назад англичане – точнее, массачусетская милиция – вошли в Малагаш и Татамагуш. Малагаш они просто сожгли, а Татамагуш стал, наряду с фортом Гаспаро, их базой для патрулирования Красного моря²⁹. С тех пор на остров больше никто не приходил. Впрочем, корабли из Квебека и из метрополии никто не трогал, если они оставались с нашей стороны Красного моря.

²⁹ Первоначальное название Нортумберлендского пролива между континентальной Акадией и островом Принца святого Иоанна, ныне острова Принца Эдуарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.